

Борьба с
терроризмом **2**

УСЛОВИЯ,
СПОСОБСТВУЮЩИЕ
РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ТЕРРОРИЗМА

ОБРАЗОВАНИЕ ВО ИМЯ ПРАВОСУДИЯ
СЕРИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ МОДУЛЕЙ

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

Модуль 2

**УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ
РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ТЕРРОРИЗМА**

Организация Объединенных Наций
Вена, 2019

Этот модуль является ресурсом для преподавателей.

Разработанный в рамках инициативы Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) «Образование во имя правосудия» (E4J), являющейся компонентом Глобальной программы по осуществлению Дохинской декларации, данный модуль является частью серии модулей по борьбе с терроризмом E4J и дополняется Учебным пособием. Полный перечень материалов «Образование для правосудия» E4J включает в себя университетские модули по вопросам честности и этики, предупреждения преступности и уголовного правосудия, борьбы с коррупцией, организованной преступности, торговли людьми / незаконного ввоза мигрантов, огнестрельного оружия, киберпреступности, охраны дикой природы, лесных и рыболовных преступлений, а также борьбы с терроризмом.

Все серии университетских модулей «Образование для правосудия» E4J содержат предложения по упражнениям для аудиторных занятий, оценки учащихся, слайды и другие учебные инструменты, которые преподаватели могут адаптировать и включить в существующие курсы и программы обучения в ВУЗах. Модуль предоставляет план для трехчасового занятия, но также может быть использован для более или менее продолжительных занятий.

Все университетские модули «Образование для правосудия» E4J включают в себя результаты научных исследований и дискуссий, и могут содержать информацию, мнения и заявления из различных источников, включая сообщения прессы и независимых экспертов. Ссылки на внешние ресурсы были проверены на момент публикации. Однако, поскольку сторонние веб-сайты могут измениться, пожалуйста свяжитесь с нами, если вы столкнулись с неработающей ссылкой или были перенаправлены на неприемлемый контент. Пожалуйста, также сообщите нам, если вы заметили, что публикация связана с неофициальной версией или веб-сайтом.

Несмотря на то, что были приложены все усилия для обеспечения точного перевода модуля, обратите внимание, что модуль на английском языке является утвержденной версией. Поэтому в случае сомнений, пожалуйста, обратитесь к первоисточнику в английской версии.

Ознакомьтесь с условиями использования Модуля можно на [веб-сайте E4J](#).

© Организация Объединенных Наций, 2019. Все права защищены.

Используемые обозначения и представление материалов в этой публикации не подразумевают выражения какого-либо мнения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций относительно правового статуса какой-либо страны, территории, города или района или ее органов власти, или относительно разграничения его границ.

Данная публикация не была официально отредактирована.

Содержание

Введение	2
Результаты обучения	2
Основные аспекты.....	3
«Радикализация» и «насильственный экстремизм»	4
Предупреждение и противодействие насильственному экстремизму (П/ПНЭ).....	10
Факторы насильственного экстремизма	12
Отсутствие социально-экономических возможностей.....	13
Маргинализация и дискриминация	15
Неэффективное управление, нарушения прав человека и верховенства права	17
Затянувшиеся и неурегулированные конфликты	21
Радикализация в тюрьмах.....	22
Международные подходы к предупреждению и противодействию насильственному экстремизму	23
Рамочная программа Организации Объединенных Наций	23
Региональные и многосторонние подходы к предупреждению и противодействию воинствующему экстремизму.....	25
Африканский регион.....	25
Азиатский регион	27
Европейский регион	28
Межамериканский регион	31
Ближний Восток и регион Персидского залива	32
Глобальный контртеррористический форум (ГКТФ)	35
Марракешский меморандум о передовых методах более эффективного реагирования на проблему иностранных боевиков-террористов *	36
Упражнения и тематические исследования (кейсы)	38
Упражнение 1: Введение в предупреждение насильственного экстремизма.....	39
Упражнение 2: Туннель (см. Методическое пособие).....	39
Кейс 1: Возвращение иностранного боевика-террориста	40
Кейс 2:.....	40
Возможная структура занятий	41
Основная литература	42
Дополнительная литература.....	43
Оценка учащихся	45
Вопросы для оценки	45
Дополнительные учебные инструменты	46
Видеоматериал	46

Инструменты.....	47
Библиография	51

Введение

Главная задача любой эффективной контртеррористической стратегии, какой является [Глобальная контртеррористическая стратегия ООН 2006 года](#) и прилагающийся к ней План действий (резолюция Генеральной Ассамблеи 60/288), на основе которых была разработана эта серия учебных модулей, заключается в предотвращении актов терроризма. Каждое из четырех основных направлений Стратегии играет определенную превентивную роль. Особый интерес для настоящего Модуля представляет Раздел I, касающийся «устранения условий, способствующих распространению терроризму», в частности его связь с Разделом IV «обеспечение всеобщего уважения прав человека и верховенства права». Нарушения принципа верховенства права, в том числе, совершаемые государствами в ходе контртеррористических операций, являются одним из основных факторов, способствующих насильственному экстремизму. Таким образом, настоящий Модуль опирается на Модуль 1, который знакомит учащихся с понятиями и исторической перспективой терроризма, в том числе с некоторыми формами, которые он может обретать. Главной целью настоящего Модуля является определение ряда ключевых всеобъемлющих тем, которые будут более подробно рассмотрены в последующих модулях ([Модули 3-14](#)). В частности, обсуждение вопросов Раздела I строится на текущих международных усилиях и дискурсе в целях обеспечения лучшего понимания и более эффективного предупреждения и противодействия насильственному экстремизму.

Результаты обучения

- Понимание «условий, способствующих распространению терроризма», уделяя особое внимание предупреждению и противодействию насильственному экстремизму (П/ПНЭ).
- Определение и объяснение проблем, связанных с текущими усилиями в области П/ПНЭ.
- Изучение и сравнение основных подходов ООН, а также региональных и многосторонних подходов к П/ПНЭ.
- Рассмотрение некоторых основных факторов насильственного экстремизма, наряду с некоторыми текущими инициативами в ответ на них.
- Изучение взаимосвязи между «условиями, способствующими распространению терроризма» и соблюдением или нарушением принципа верховенства права.
- Определение и анализ некоторых междисциплинарных перспектив в области П/ПНЭ.

Основные аспекты

Распространение насильственного экстремизма вызывает серьезную озабоченность у международного сообщества. Так, например, согласно оценкам 30 тысяч иностранных боевиков-террористов (ИБТ), завербованных в 100 государствах, направились в Сирийскую Арабскую Республику и Ирак, а также Афганистан, Ливию и Йемен, чтобы вступить в ряды террористических групп, участвующих в конфликтах в этих странах. Через какое-то время многие ИБТ вернутся в свои страны или направятся в другие потенциальные зоны конфликтов, привезя с собой приобретенные тактические знания и идеологические взгляды (доклад Генеральной Ассамблеи А/70/674, п. 3).

Международное сообщество – на национальном, региональном и международном уровнях – пытается лучше понять это явление с тем, чтобы более эффективно реагировать на него. Это поднимает важные вопросы международного мира и безопасности, входящих в сферу полномочий ООН, в том числе в рамках, установленных в главе VII Устава Совета Безопасности. Так, например, массовая миграция миллионов людей, вынужденных покинуть территории, захваченные террористическими и насильственными экстремистскими группами, вызвала серьезную региональную нестабильность (доклад Генеральной Ассамблеи А/70/674, п. 2). Более того, эта проблема ставит под угрозу другие глобальные приоритеты, в частности достижение Целей устойчивого развития (ЦУР) (доклад Генеральной Ассамблеи А/70/674, п. 16). Как отметил Генеральный секретарь ООН в Плане действий по предупреждению воинствующего экстремизма (План действий ВЭ) (доклад А/70/674, п. 16), рассматриваемом подробно в настоящем Модуле, на момент принятия ЦУР:

Государства-члены выступили с предостережением о том, что воинствующий экстремизм таит в себе угрозу сведения на нет многих результатов в области развития, достигнутых за последние десятилетия. Используя проблемы в области развития, такие как неравенство, нищета и неэффективное управление, воинствующий экстремизм еще более усугубляет эти проблемы и ведет к упадку, который ухудшает положение прежде всего маргинализированных групп.

В соответствии с подходом, используемым в других Модулях, настоящий Модуль сформулирован на основе контртеррористической стратегии ООН, главным образом целей, концепций и инициатив Разделов I и IV. Центральная часть обсуждений посвящена Плану действий – как определенным в нем основным факторам насильственного экстремизма, так и предлагаемым мерам реагирования на них – поскольку он лежит в основе осуществления целей Контртеррористической стратегии в отношении насильственного экстремизма. В Плане действий отмечается:

Необходимо применять более комплексный подход, предусматривающий принятие не только мер по обеспечению безопасности в рамках борьбы с терроризмом, но и также систематических превентивных мер, непосредственно касающихся факторов, способствующих воинствующему экстремизму, которые привели к возникновению этих новых и более опасных групп (п. 6).

Помимо этого рассматривается ряд региональных усилий в области П/ПНЭ.

Прежде всего, необходимо рассмотреть вопрос терминологии, поскольку некорректное использование формулировок само по себе способствует разжиганию насильственного экстремизма или, как минимум, подрывает усилия по борьбе с ним. Как будет показано

далее, непонимание и (или) многочисленные разногласия в отношении ключевых понятий также имеют место. Отсутствует единый согласованный подход или общепринятая терминология на государственном, региональном или многостороннем уровнях или среди гражданского общества, в том числе с точки зрения юридических и институциональных инструментов и концепций, разработанных в целях П/ПНЭ.

«Радикализация» и «насильственный экстремизм»

Как и в случае с понятием «терроризм», термин «насильственный экстремизм» не имеет общепризнанного определения; более того, эти термины иногда используются как взаимозаменяемые, вызывая путаницу. В то же время существует ряд определений, разработанных на национальном, региональном и международном уровнях. В недавнем докладе Управления Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ) о передовой практике и извлеченных уроках по вопросу о том, каким образом защита и поощрение прав человека содействуют предупреждению насильственного экстремизма и борьбе с ним, рассматриваются существующие политические программы и меры государств-членов в вопросах, связанных с регулированием насильственного экстремизма (Генеральная Ассамблея, доклад Совета по правам человека А/НRC/33/29). В нем говорится о применении различных национальных подходов (п. 17), некоторые из которых представлены в таблице ниже. Проблемы, связанные с определением этого явления, также отражены в выводе доклада: «В других случаях в приведенных определениях не в полной мере разъясняется, предполагает ли «насильственный экстремизм» только насильственные действия либо подстрекательство к совершению насильственных действий или же в это определение следует включать и менее явное поведение, которое, как правило, не влечет за собой уголовно-правовых санкций» (п. 17). В общем плане, разнообразие подходов к определению отражает некоторую последовательность в том, что явление «насильственного экстремизма» имеет более широкий характер, чем терроризм. Это также отражено в Плане действий по предупреждению воинствующего экстремизма, в котором Генеральный секретарь отмечает, что «воинствующий экстремизм охватывает более широкую категорию проявлений, чем терроризм», поскольку включает формы идеологически мотивированного насилия, которые не могут считаться террористическими актами (доклад Генеральной Ассамблеи А/70/674, п. 4).

Разнообразие проявлений, которые могут представлять собой «насильственный экстремизм», было сформировано в определенной степени действиями таких террористических групп, как «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), «Аль-Каида» и «Боко харам», распространяющих идеи ненависти и насилия, а также религиозной, культурной, социальной нетерпимости. С этой целью группы, придерживающиеся идей насильственного экстремизма, часто искажают и используют религиозные убеждения, этнические различия и политическую идеологию, чтобы придать легитимность своей деятельности, предъявить свои претензии на территорию, а также завербовать и удерживать сторонников.

Подводные камни, с которыми столкнулись многие усилия в области П/ПНЭ, включают помимо прочего чрезмерно упрощенный подход к данному явлению в отношении его связи с какой-либо конкретной религией, национальностью, цивилизацией или этнической группой, что может скорее способствовать, чем препятствовать развитию насильственного экстремизма. Например, в *Стратегии борьбы с насильственным*

экстремизмом 2016 года Государственный департамент США признает такое разнообразие, и отмечает, что «факторы насильственного экстремизма варьируются в зависимости от людей, сообществ и регионов» (Государственный департамент США и ЮСАИД, 2016, стр. 3). Несмотря на то, что в центре внимания находится проблема возвращения иностранных боевиков террористов, понимание США перекликается с содержанием *Гаагско-Марракешского меморандума*, в котором признается потребность перехода к индивидуальному подходу к усилиям в области П/ПНЭ. Например, в рамках примеров передовой практики 16 и 19, в *Меморандуме* государствам предлагается использовать индивидуальные инструменты оценки рисков, которые учитывают ряд различных факторов, при этом оценка должна проводиться под контролем обученных специалистов (ГКТФ, (А), стр. 8). Это подкрепляется приложением к *Меморандуму*, в котором рекомендуется, чтобы внедрение индивидуального инструмента оценки осуществлялось опытным экспертом, «понимающим многочисленные аспекты радикализации и местный и культурный контекст» (ГКТФ, (В), стр. 4).

Одним из вопросов, который государства-члены, а также комментаторы, иногда упрощают, является понятие «радикализации» - концепция, которая привлекла большое внимание (и соответствующие разногласия), в том числе в отношении дискурса и усилий в области противодействия терроризму. В докладе УВКПЧ отмечается:

Понятие «радикализации» обычно используется [некоторыми государствами] чтобы передать идею процесса, посредством которого лицо перенимает все более экстремистские убеждения и устремления. Это может включать, но не определяет, желание оправдывать, поддерживать, способствовать или использовать насилие в

Практики вербовки

Вербовка может осуществляться различными способами. Ниже представлены некоторые предлагаемые модели их возможной группировки и критической оценки:*

- а) «*Сеть*»: насильственные экстремистские и террористические группы распространяют недифференцированную пропаганду, такую как видеоролики или послания, среди целевых групп населения, которые считаются однородными и восприимчивыми к пропаганде.
- б) «*Воронка*»: подразумевает дополнительный подход с целью работы с конкретными лицами, которые, как считается, готовы для вербовки, используя психологические приемы для повышения их решимости и приверженности. Даже избранные в качестве мишени дети, которые сопротивляются полной вербовке, могут выработать позитивный взгляд на деятельность группировки.
- с) «*Заражение*»: когда работа с целевыми группами населения представляется затруднительной, может быть внедрен «агент» для вербовки изнутри, используя прямые и персональные обращения. Апеллирование к вопросам недовольства, например, маргинализация или социальное разочарование, могут укрепить социальные связи между вербовщиками и объектами вербовки.

* Gerwehr, Scott, and Sara A. Daly (2006). Al-Qaida: terrorist selection and recruitment. Santa Monica, California, RAND Corporation, p. 76-80. («*Аль-Каида: отбор и вербовка террористов*»). Приведено в ООН, ЮНОДК (2017). [*Handbook on Children Recruited and Exploited by Terrorist and Violent Extremist Groups: Role of the Justice System*](#). Vienna, p. 13. («*Справочник по детям, завербованным и эксплуатируемым террористическими и насильственными экстремистскими группами: роль системы правосудия*»)

политических, идеологических, религиозных или других целях (доклад A/HRC/33/29, п. 19).

Некоторые комментаторы считают, что «радикализация» может пониматься как процесс, посредством которого лица перенимают насильственные экстремистские идеологии, которые *могут* подтолкнуть их к совершению террористических актов, или которые, вероятно, сделают их более уязвимыми для вербовки террористическими организациями (Romaniuk, 2015, стр. 7-8).

Как сегодня признают многие эксперты и правительственные/межправительственные организации, исторически слишком большой упор делался на религиозной идеологии как драйвере терроризма (Kundnani, 2015, стр. 10-11), зачастую в ущерб другим критически важным факторам, которые игнорировались или не принимались во внимание в достаточной мере. На критике этого ограниченного подхода опирается работа Botha, который обращает внимание на важность индивидуальной психологии как существенного фактора, заставляющего людей прибегать к экстремизму (включая терроризм), при этом Botha делает вывод, что в целях дальнейшего предотвращения терроризма важно обеспечить более глубокое понимание того, что заставляет человека повернуться к терроризму (Botha, 2015, стр. 3). Например, согласно одному из ключевых выводов доклада Программы развития ООН (ПРООН) «Путь к экстремизму в Африке» (ПРООН) (2017), несмотря на то, что 51% опрошенных указали на религиозные убеждения в качестве причины присоединения к насильственным экстремистским группам, примерно 57% респондентов также признали, что не в полной мере понимают религиозные тексты или же вообще не понимают их.

Вышеупомянутое исследование, проведенное Botha, дополняет это заключение, поскольку в нем было установлено, что помимо религии как ключевого компонента радикализации одним из наиболее серьезных факторов влияния является потеря веры человека в политиков и политическую систему. Принципиально важно, что в исследовании Botha было установлено, что злость обычно направлена на представителей государства в связи с их ролью по защите действующего главы государства; последствия этого можно наблюдать в следующем: «вместо предотвращения и борьбы с терроризмом (репрессивные методы представителей государства) приводят к тому, что пострадавшие от них молодые люди – и даже члены их семей – поддались радикализации» (Botha, 2015, стр. 13). Безусловно, все более широко признается, что чрезмерный акцент на радикализации может привести к слишком упрощенным выводам о причинно-следственной связи между радикализацией (ведущей к экстремистским настроениям) и актами насильственного экстремизма. Это может вызвать подход «депрограммирования» в качестве одного или единственного решения, не изучив должным образом другие пути к насилию, такие как социально-экономические факторы, которые рассматриваются в следующем разделе. Несомненно, преимущества глубокого понимания и полученный опыт нашли отражение в подходе Плана действий по предупреждению воинствующего экстремизма, который лег в основу анализа в рамках данного Модуля.

Интересно отметить, что нередко академические исследования опережают правительственные и межправительственные учреждения в плане понимания и представления вопросов, связанных с П/ПНЭ. Например, еще в 1988 году в своей работе Martha Crenshaw отмечала, что «действия террористических организаций основываются скорее на субъективной интерпретации мира, нежели на объективной реальности», при этом Crenshaw утверждала, что восприятие политической и социальной обстановки интерпретируется через их собственные убеждения и отношения (Crenshaw, 1988, стр. 2). Сегодня растет понимание того, что процесс радикализации имеет чрезвычайно

индивидуальный характер, не имеет единого пути и часто принимает различные формы (Генеральная Ассамблея, доклад Совета по правам человека A/HRC/31/65, п. 15). Исследователи использовали социально-психологические различия в убеждениях, чувствах и отношениях для того, чтобы разоблачить на части процесс радикализации. Лица, которые прибегают к террористическим действиям, находятся лишь на вершине пирамиды, состоящей из более значительной группы сочувствующих, которые разделяют их убеждения и чувства (McCauley and Moskalenko, 2008; доклад Генеральной Ассамблеи A/70/674, п. 32).

При изучении факторов насильственного экстремизма следует с осторожностью подходить к используемой терминологии, чтобы не быть дезинформированным неточными и (или) неоспариваемыми соответствующими предположениями. Как следствие этого, некоторые учреждения пересмотрели свои методы определения терминов и понятий, как например Европейское полицейское управление (Европол), которое недавно предложило отход от термина «радикализация» и использование другого термина - «социальной тенденции к насильственному экстремизму» (Европол, 2016).

Один из важных вопросов, который необходимо разъяснить с самого начала, заключается в том, что критически важное значение для обсуждения вопросов и борьбы с терроризмом заключается не в том, обладает ли лицо «радикальными» или «экстремистскими» взглядами (понятия, которые могут быть относительно субъективными по характеру и, тем самым, быть неправильно истолкованы), *а в том, трансформируются ли такие взгляды в насильственные действия* (что является скорее исключением, чем нормой). Потенциально миллионы людей различного социального, этнического, культурного, религиозного или географического происхождения имеют такие взгляды, которые другие люди могут рассматривать как «радикальные» или «экстремистские», особенно в сравнении с их собственными взглядами, но при этом не совершают насильственные или террористические действия. Более того, даже то, каким образом определяются термины «насильственный» и «насильственный экстремизм», может ситуационно варьироваться в зависимости от используемых методов и методологии. Например, позитивистское понимание «насильственного экстремизма» будет отличаться от определения, полученного в результате применения метода «микро-нарративов» или сбора жизненных историй. Краткие нарративы несомненно важны для лучшего понимания или устранения более локальных факторов насильственного экстремизма.

Подходы к определению «насильственный экстремизм»

Существует множество разных подходов к определению понятия насильственного экстремизма на правительственном и межправительственном уровнях, ниже представлены некоторые из них.

Правительственные:

Австралия (1*): «Насильственный экстремизм представляет собой убеждения и действия людей, которые поддерживают применение насилия или используют его для достижения идеологических, религиозных или политических целей. Это включает терроризм и другие формы политически мотивированного и межобщинного насилия».

Канада (2*): «Насильственный экстремизм» имеет место, когда преступление совершается «главным образом на почве экстремальных политических, религиозных или идеологических взглядов». В некоторых определениях прямо указано, что радикальные взгляды ни в коей мере не являются проблемой сами по себе, однако превращаются в угрозу национальной безопасности, как только они переходят в насильственные действия.

США (3*): ФБР определяет насильственный экстремизм как «поощряющий, потворствующий, оправдывающий, или поддерживающий совершение насильственного акта с целью достижения политических, идеологических, религиозных, социальных или экономических целей», тогда как ЮСАИД дает следующее определение насильственной экстремистской деятельности - «пропаганда, участие, подготовка или другая форма поддержки идеологически мотивированного или оправданного насилия для содействия достижению социальных, экономических или политических целей».

Норвегия (4*): Насильственный экстремизм представляет собой действия лиц или групп, которые желают использовать насилие для того, чтобы достичь политические, идеологические или религиозные цели.

Швеция (5*): Насильственный экстремист - это лицо, «неоднократно продемонстрировавшее поведение, которое не только допускает применение насилия, но также поддерживает или применяет идеологически мотивированное насилие для продвижения каких-либо целей».

Соединенное Королевство (6*): Экстремизм определяется как противодействие фундаментальным ценностям (заявление и действие), в том числе ценностям демократии, верховенства права, свободы личности и взаимного уважения и терпимости применительно к различным религиям и верованиям, а также призывы к убийству вооруженных сил Соединенного Королевства внутри страны и за рубежом.

Межправительственные:

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (7*): «Продвижение взглядов, которые разжигают насилие и подстрекают к нему в соответствии с конкретными убеждениями, а также поощряют ненависть, которая может привести к насилию между сообществами».

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) (8*)

Признавая отсутствие согласованного на международном уровне определения, ЮНЕСКО в документе «*Предупреждение насильственного экстремизма посредством обучения: руководство для лиц, принимающих решения*», высказывает мнение, что наиболее распространенным пониманием термина, которое было использовано в данном руководстве, является то, которое «относится к убеждениям и действиям людей, которые поддерживают применение насилия для достижения идеологических, религиозных или политических целей». Это может включать «терроризм и другие формы политически мотивированного насилия».

1* Парламент Австралии (2015). [“Australian Government measures to counter violent extremism: a quick guide.”](#) February. («*Меры Правительства Австралии по противодействию насильственному экстремизму: краткое руководство*»)

2* Департамент общественной безопасности Канады (2009). [“Assessing the Risk of Violent Extremists.”](#) *Research Summary*, vol. 14, no. 4. («*Оценивая риск насильственного экстремизма*»)

3* ЮСАИД (2011). [“The Development Response to Violent Extremism and Insurgency: Putting Principles Into Practice.”](#) *USAID Policy*, September 2011. P. 2. («*Меры реагирования в области развития на насильственный экстремизм и беспорядки: Реализация принципов на практике*»)

4* Министерство юстиции и общественной безопасности Норвегии (2014). [“Action Plan Against Radicalisation and Violent Extremism.”](#) P.7. («*План действий по борьбе с радикализацией и насильственным экстремизмом*»)

5* Государственные учреждения Швеции (2011). [“Sweden Action Plan to Safeguard Democracy Against Violence Promoting Extremism.”](#) *Government Communication 2011/12:44*, Point 3.2. («*План действий Швеции по защите демократии от экстремизма, побуждающего к насилию*»)

6* Правительство Соединенного Королевства (2015). [Counter-Extremism Strategy](#). London, Counter-Extremism Directorate, Home Office. Para. 1. («*Стратегия противодействия экстремизму*») See too HM Government (2011). [Prevent Strategy](#). The Stationery Office, Norwich. Annex A. («*Стратегия по предотвращению*») Обратите внимание, что в 2013 году Целевая группа по радикализации и экстремизму определила «исламистский экстремизм».

7* Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Комитет по содействию развитию (2016). [DAC High Level Meeting, Communiqué of 19 February 2016](#). («*Совещание высокого уровня КСР, Коммюнике от 19 февраля 2016 года*»)

8* ООН, ЮНЕСКО (2017). [Preventing violent extremism through education: A guide for policy-makers](#). Paris, France. («*Предупреждение насильственного экстремизма посредством обучения: руководство для лиц, принимающих решения*»)

Предупреждение и противодействие насильственному экстремизму (П/ПНЭ)

Как и в случае с понятием «насильственный экстремизм», не существует единого мнения в отношении того, что точно следует понимать под «предупреждением» и «противодействием насильственному экстремизму», и какие формы эти действия должны принимать (McCants and Watts, 2012).

Ключевые элементы противодействия насильственному экстремизму, как правило, включают «использование мер, не носящих принудительный характер, с целью разубедить лица или группы использовать насилие и предотвратить вербовку, поддержку, содействие осуществлению и участие в идеологически мотивированном терроризме негосударственными акторами ради достижения политических целей» (Khan, 2015). Как отметил один из комментаторов, Peter Neumann, сфера охвата противодействия насильственному экстремизму и связанные с ней мероприятия являются «потенциально неограниченными». Они могут включать осуществление широкого спектра мероприятий правительствами и другими организациями по предотвращению радикализации, которые обычно включают информирование посредством разнообразных традиционных каналов и социальных сетей; взаимодействие и работа с сообществами с применением всех имеющихся средств, таких как обсуждения в рамках круглых столов или консультативных советов; укрепление потенциала, в частности среди молодежи и женщин, наряду с другими инициативами по развитию, безопасности и защите сообществ; обучение и подготовка для широкого круга заинтересованных сторон, в том числе лидеров сообществ и сотрудников правоохранительных органов (Neumann, 2011, p. 18).

Отсутствие универсально согласованных определений «насильственного экстремизма» и «противодействия насильственному экстремизму» временами представляет проблему, в том числе с точки зрения обеспечения последовательности и согласованности связанных стратегий, политических программ, практических методов и так далее. В отношении первого предыдущий Специальный докладчик Организации Объединенных Наций по защите прав человека в условиях борьбы с терроризмом пришел к выводу, что «отсутствие семантической и концептуальной ясности в отношении насильственного экстремизма остается препятствием для всякого углубленного анализа воздействия, оказываемого стратегиями и политикой противодействия насильственному экстремизму на права человека и их эффективность в снижении угрозы терроризма» (Генеральная Ассамблея, доклад Совета по правам человека A/HRC/31/65, п. 55).

Результатом отсутствия согласованных определений ключевых терминов стали «конфликтующие или контрпродуктивные программы», которые труднее поддаются оценке (McCants and Watts, 2012, p. 1). Отдельная проблема заключается в том, что без всеобщего согласия о параметрах противодействия насильственному экстремизму существует риск, что эта деятельность превратится в «шаблонную категорию, которой не хватает точности и фокусирования; которая отражает сомнительные предположения относительно условий, способствующих насильственному экстремизму; и [не].... способна провести четкое различие между программами противодействия насильственному экстремизму и программами в других устоявшихся областях, как например развитие и борьба с бедностью, управление и демократизация, и образование» (Heydemann, 2014, pp. 1-4).

И без того усложнившее проблему терминологии, появление термина «предупреждение насильственного экстремизма» быстро «превратилось в приоритетную задачу международного сообщества» (Frank and Reva, 2016, p. 2). Так, Генеральная Ассамблея ООН в 2015 году подчеркнула значимость предупреждения насильственного экстремизма, отмечая важность образования и продвижение терпимости посредством внедрения «уважения к жизни» и поощрения «практики ненасилия, примирения, диалога и сотрудничества» (Резолюция 70/109). Вскоре после этого Генеральный секретарь представил для распоряжения Генеральной ассамблее План действий по предотвращению воинствующего экстремизма, который Ассамблея впоследствии рекомендовала государствам-членам для рассмотрения с учетом национальных условий в рамках двухгодичного обзора контртеррористической стратегии (Резолюция 70/291, п. 40). Генеральный секретарь отметил, что в рамках Плана действий существует необходимость «применять более комплексный подход, предусматривающий принятие не только мер по обеспечению безопасности в рамках борьбы с терроризмом, но и также систематических превентивных мер, непосредственно касающихся факторов, способствующих воинствующему экстремизму» (доклад Генеральной Ассамблеи A/70/674, п. 6). Для устранения основных выявленных факторов (см. ниже), государства должны принять меры для достижения прогресса «в области развития, эффективного управления, прав человека и гуманитарной деятельности», при этом необходимо обеспечить «укрепление верховенства права, отмену дискриминационного законодательства и осуществление стратегий и законов, направленных на борьбу с дискриминацией, маргинализацией и изоляцией» (Доклад Генеральной Ассамблеи A/70/674, п. 41).

Как представляется, осуществление мер по предупреждению насильственного экстремизма требует от государства проведения углубленной оценки коренных причин насильственного экстремизма и устранения его основных факторов, т.е. принятия подхода «снизу–вверх». С учетом этого в Плате действий по предупреждению воинствующего экстремизма отмечается, что «необходимо разработать национальные планы ... которые должны содержать меры по борьбе и предотвращению воинствующего экстремизма», тем самым подразумевая различие между этими двумя концепциями. (Доклад A/70/674, п. 44). Аналогичным образом это подразумевается и в призыве, содержащемся в Плате действий, применять «более комплексный подход, предусматривающий принятие не только мер по обеспечению безопасности в рамках борьбы с терроризмом, но и также систематических превентивных мер, непосредственно касающихся факторов, заставляющих лиц присоединяться к воинствующим экстремистским группировкам» (ЦГКОМ, 2016).

Пример из реальной жизни:

В рамках проекта общинной организации молодым людям из неблагополучного района была представлена возможность пройти бесплатный 12-недельный курс подготовки. Этот курс объединил молодых людей, которые в обычных условиях никогда бы не встретились, и позволил им развить такие социальные навыки, как общение и управление гневом. Он также дал молодым людям возможность пройти обучение и получить профессиональные навыки в области ИТ и кибербезопасности, повысив их конкурентоспособность на рынке труда.

В этой связи усилия по предотвращению и борьбе с насильственным экстремизмом в системе ООН в настоящее время строятся вокруг всеобъемлющей концепции предупреждения насильственного экстремизма, которая включает элементы

«противодействия». Использование терминологии противодействия насильственному экстремизму все еще распространено в документах ООН, главным образом в тех, которые были опубликованы до принятия Плана действий по предупреждению воинствующего экстремизма в 2015 году, и сейчас включает компонент «противодействия».

Факторы насильственного экстремизма

Все более растет понимание, что меры ответа на экстремизм, в основе которых лежат вопросы безопасности, должны сопровождаться повышенным вниманием к более превентивным мерам. Этот современный взгляд отражен в Плане действий по предупреждению воинствующего экстремизма, в котором Генеральный секретарь уделил особое внимание важности контекста и факторов – «движущих» и «удерживающих» - насильственного экстремизма, наряду с процессами радикализации. В целом, термин «фактор» используется в контексте насильственного экстремизма; тогда как термин «путь» применяется в отношении индивидуальной радикализации. В Плане действий по предупреждению воинствующего экстремизма различаются две основных категории факторов (Доклад Генеральной Ассамблеи A/70/674, п. 23 и 32-37; ООН, Швейцарская Конфедерация, 2016, стр. 4):

- «Движущие факторы» - условия, приводящие к воинствующему экстремизму, и структурный контекст, из которого он возникает. Они включают: отсутствие социально-экономических возможностей; маргинализацию и дискриминацию; неэффективное управление, нарушения прав человека и принципа верховенства права; затянувшиеся и неурегулированные конфликты; и радикализацию в тюрьмах.
- «Удерживающие факторы» - индивидуальные мотивы и процессы, которые играют ключевую роль в трансформации идей и недовольства в воинствующие экстремистские действия. Они включают: индивидуальный опыт и мотивацию; коллективное недовольство или виктимизацию, вызванные господством, угнетением, подчинением или иностранным вмешательством; искажение и неправомерное использование убеждений, политической идеологии, этнических и культурных различий; лидеров и социальные сети.

Другими словами, «движущие факторы» относятся к таким факторам, которые существуют на структурном уровне в обществе, в то время как «удерживающие факторы» являются психологическими, и могут сделать индивидуума более восприимчивым к осуществлению насильственной экстремистской деятельности (Nanes and Lau, 2018).

Более конкретно в Плане определены 5 основных факторов, способствующих насильственному экстремизму:

- (1) Отсутствие социально-экономических возможностей;
- (2) Маргинализация и дискриминация;
- (3) Неэффективное управление, нарушения прав человека и принципа верховенства права;
- (4) Затянувшиеся и неурегулированные конфликты;
- (5) Радикализация в тюрьмах.

Каждый из этих факторов будет рассмотрен поочередно. В самом начале важно подчеркнуть, что ни один из этих потенциальных путей к насилию не должен рассматриваться по отдельности, особенно поскольку в этом процессе обычно задействованы многочисленные факторы. Более того, эти потенциальные пути к

насильственному экстремизму должны также рассматриваться в контексте не только местных, но и национальных и международных вопросов.

Один из таких вопросов, имеющих особое значение для серии модулей E4J для ВУЗов, касается того, что все исследователи «вопросов обеспечения безопасности» (которые являются частью теории международных отношений) обозначают термином «исследования секьюритизации». Это когда государства рассматривают всех своих субъектов, в том числе граждан, через призму национальной безопасности. Такой подход описывается как «экстремальная версия политизации, которая позволяет использовать исключительные средства во имя безопасности» (Buzan, Wæver and de Wilde, 1998, стр. 25). Потенциально это может привести к объявлению (или сохранению) чрезвычайного положения в случае, когда правовые критерии для этого были соблюдены не полностью (см. следующий Модуль 7) либо введению военного положения с аналогичным эффектом; либо обоснованию применения чрезвычайных мер, при которых существует риск нарушения установившегося верховенства права и норм международного права; а также неспособности жертв таких чрезвычайных мер добиться справедливости и удовлетворительной компенсации в связи с сопровождающимися нарушениями прав человека в национальных судах (см. следующий Модуль 14). Примечательно, что по этим вопросам Специальный докладчик Организации Объединенных Наций по вопросу защиты прав человека в условиях борьбы с терроризмом отметил следующее:

Следует избегать полномасштабной секьюритизации государством или международным сообществом вопросов прав человека, международного развития, гуманитарной помощи, образования, интеграции в общество, гендерных аспектов или любых других программ. Государства должны соблюдать, защищать и поощрять права человека среди всех людей, какими бы ни были их возраст, пол и этническая или религиозная принадлежность, не проводя дискриминации и не приспособляя это обязательство к какому-либо более обширному плану, включая предупреждение насильственного экстремизма и противодействие ему. Всякий раз при рассмотрении новой области взаимодействия, осуществляемого с целью предупреждения насильственного экстремизма или противодействия ему, должен проводиться надлежащий анализ ее воздействия на всех участников – как исполнителей, так и бенефициаров. Любое участие в мероприятиях правительства должно быть безопасным и добровольным (Генеральная Ассамблея, доклад Совета по правам человека A/HRC/31/65, п. 56(d)).

Отсутствие социально-экономических возможностей

Отсутствие социально-экономических возможностей может принимать разнообразные формы. Одним из «недвусмысленных» заключений отчета ПРООН 2017 года стало то, что экономические факторы могут быть важными драйверами, при этом результатом экономической изоляции, безработицы и ограниченных возможностей карьерного роста, вызывающих отчаяние и отчуждение, может стать радикализация, ведущая к насильственному экстремизму (ПРООН, 2017, стр. 5). Также необходимо помнить, что ЦУР 8 призывает к обеспечению устойчивого и инклюзивного экономического роста.

Большое количество образованной, разочарованной молодежи без работы представляет собой проблему для многих развивающихся стран и может обострить недовольство наряду с ощущением несправедливости. В своей работе, посвященной оценке молодежи, не обеспеченной достойной занятостью, Marke определил, что такие люди более склонны к участию в деятельности, которая привлекает внимание политической элиты к их тяготам (Marke, 2007, стр. 7), и этот аргумент подтверждает позицию Ikejiaku, который утверждал,

что когда молодежь более не может терпеть невозможность удовлетворить свои базовые потребности, она демонстрирует более высокую склонность к реакции посредством участия в экстремистских насильственных действиях (Ikejiaki, 2009, стр. 22). Так, статистические данные указывают на наличие сильной корреляции между насилием и неравенством доходов (Dixon, 2009). Безработица создает благоприятную почву для вербовки насильственными экстремистскими организациями, поскольку они могут предложить путь выхода из нищеты и обеспечить экономические возможности, которые не всегда могут быть получены посредством более законных средств. Например, сообщается, что Исламское государство Иран и Левант (ИГИЛ) может выплачивать (или, по крайней мере, предлагает выплачивать) своим боевикам ежемесячно \$500 долларов, что может стать привлекательным стимулом для необразованных, неквалифицированных, сельских и безработных мужчин и женщин (ПРООН, 2016), хотя по факту сумма, получаемая рекрутами, зачастую существенно меньше (UNDP, 2017, стр. 5). Экономические лишения являются важнейшим удерживающим фактором, способствующим насильственному экстремизму.

Экономический анализ Всемирного банка в рамках своего исследования 2016 года «Экономическая и социальная инклюзивность для предупреждения насильственного экстремизма» раскрывает интересную взаимосвязь между экономическими возможностями и насильственным экстремизмом (Представительство Всемирного банка в странах Ближнего Востока и Северной Африки, Экономический монитор MENA, 2016, стр. 11). Данное исследование, на первый взгляд, основано на работе Sandler и Enders, которые утверждают, используя экономическую теорию, что индивидум будет действовать как рациональный человек и принимать решение об участии в насильственной экстремисткой деятельности после взвешивания затрат и выгод от таких действий (Sandler and Enders, 2004, стр. 301). В этой связи Всемирный банк далее предположил, что показатели экономической изоляции показывают более высокий уровень радикализации в связи с низкой стоимостью упущенных выгод участия в насильственной экстремисткой деятельности, и что исключенные, по всей видимости, будут испытать большее недовольство в отношении государства. Тем не менее, эти предположения идут в разрез с заключениями Gries, Krieger и Meierrieks, которые в своей работе по исследованию корреляции между экономическим ростом и уровнем терроризма в семи европейских странах, пришли к заключению, что только в некоторых странах наблюдалась четкая идентифицируемая причинно-следственная связь между экономическим ростом и насильственным экстремизмом (Gries, Krieger and Meierrieks, 2011, стр. 493 и 496).

Примечательно то, что Всемирный банк, в конечном итоге сделал вывод, что корреляция между насильственным экстремизмом и экономическими переменными не совсем ясна, и в лучшем случае, имеет неоднозначное влияние (Представительство Всемирного банка в странах Ближнего Востока и Северной Африки, Экономический монитор MENA, 2016, стр. 18). Например, он признает, что люди, проживающие дальше Сирии, нуждаются в более значительных средствах, чтобы добраться до пункта назначения и, таким образом, это предполагает наличие предыдущей экономической деятельности (Представительство Всемирного банка в странах Ближнего Востока и Северной Африки, Экономический монитор MENA, 2016, стр. 18). Несмотря на то, что статистические данные предполагают определенную связь между насилием и отсутствием экономических возможностей, следует проявлять осторожность, чтобы не делать слишком преждевременных выводов. Как отмечают Chingle, Mancha и Gukas, эмпирические исследования влияния экономического роста на конфликты, в том числе связанные с насильственным экстремизмом, были достаточно ограниченными (Chingle, Mancha and Gukas, 2015, р. 3). Примечательно, что экономические неравенства и связанные с ними разочарования не всегда являются главными факторами насилия. В качестве примера

можно привести инцидент с применением оружия в Лас-Вегасе (США) в 2017 году, когда миллионер Стивен Пэддок убил 58 человек и ранил более 800 без какого-либо четко определенного мотива (The Guardian, 21 January 2018).

Также необходимо проявить осторожность, чтобы не исключить возможность наличия связей между отсутствием экономических возможностей и экстремистским насилием. В отчете ПРООН предполагается, что «если человек учился или работал, то как выяснилось, он или она с меньшей вероятностью стал бы членом экстремистской организации», при этом трудоустройство является единственной наиболее часто затрагиваемой «насуточной проблемой» среди тех, кто был завербован насильственными экстремистскими группами (2017, стр. 5). Примечательно, что в 2016 году представитель ЮНЕСКО в контртеррористической инициативе и сопредседатель Рабочей группы по условиям, способствующим распространению терроризма, отметил, что образование действительно играет роль в предупреждении насильственного экстремизма, но необходимо обращать внимание не только на содержание образования, но также и на то, «каким образом оно обеспечивается» (ЮНЕСКО, Глобальная инициатива «Образование прежде всего»). Таким образом, как и в случае с экономическими факторами любые связи между нехваткой образовательных возможностей и насильственным экстремизмом часто носят более сложный характер, чем это может показаться на первый взгляд.

Более того, было бы неправильно предположить, что отсутствие возможностей в сфере образования или трудоустройства является единственным фактором или что этот фактор всегда имеет место. Множество наиболее значимых террористических атак было совершено высокообразованными (например, выпускниками высших учебных или профессиональных заведений) людьми, такими как террористы-пилоты, осуществившие атаки 11 сентября, помимо самого Усамы бен Ладена, бывшего лидера «Аль-Каиды». Другие социально-экономические факторы, в частности наркотическая зависимость, могут также играть важную роль в радикализации молодых людей и в конечном итоге в их вербовке насильственными экстремистскими группами, например, ИГИЛ и «Аль-Каида», как это имело место на Мальдивских островах (Bangladesh Peace Observatory, 2017).

Маргинализация и дискриминация

Маргинализация и дискриминация могут принимать различные формы и базироваться на ряде различных факторов, в том числе социально-экономических, этнических, культурных, расовых, религиозных или связанных со статусом (например, мигранта). Прежде чем понять то, каким образом маргинализация и дискриминация могут служить факторами, способствующими насильственному экстремизму, необходимо отметить, что ЦУР 16 призывает государства к «содействию в построении миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечению доступа к правосудию для всех и созданию эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях» (Резолюция Генеральной Ассамблеи 70/1, Цель 16). Таким образом, сокращение дискриминации и реализация Цели 16 не только будут способствовать смягчению воздействия «движущих и удерживающих» факторов насильственного экстремизма, но так же реализации цели Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года по обеспечению «равного, толерантного, открытого и социально инклюзивного мира, в котором удовлетворяются потребности самых уязвимых» (Резолюция Генеральной Ассамблеи 70/1, п. 8).

Маргинализация и дискриминация давно признаны факторами, которые могут способствовать насильственному экстремизму, как это демонстрировали, в частности, «проблемы» в Северной Ирландии в период 1960-1980-х годов (Bonner, 1992, p. 173). Как определил Silke в этом контексте, обычно до того как человек был готов к участию в насильственных действиях, он/она прежде принадлежал к группе общества, которая воспринимала себя в качестве маргинализированной. Далее он предположил, что если такая маргинализированная группа была вновь подвержена дискриминации, то «всегда в таких сообществах будут люди, восприимчивые к радикальной идеологии» (Silke, 2003, p. 39). Принципиально важно, что маргинализация может привести к тому, что человек утрачивает свою личную заинтересованность в поддержании этого общества, что влечет за собой такую маргинализацию, которая действует в качестве фактора, способствующего насильственному экстремизму.

Случаи, в какой степени такие факторы могут (или не могут) действовать в качестве драйверов насильственного экстремизма, могут значительно варьироваться. Об этом говорит существование, на первый взгляд, двух основных лагерей рекрутов ИГИЛ. Один состоит из тех, кто пережил крайне негативный личный опыт, например, стал свидетелем войны, испытал перемещение или жил в ужасных условиях. Другая группа, по всей видимости, состоит из иностранных боевиков (Контртеррористическое управление ООН, 2017, стр. 3), которые обычно подвергаются вербовке через контакты с друзьями, семьей или «случайными попутчиками в поисках осмысленного пути в жизни» (Downey, 2015). Интересно, что ученые в области социальных наук отмечают, что большинство иностранных добровольцев и пособников, которых вербуют насильственные экстремистские группировки, входят в средний диапазон «нормального распределения» с точки зрения их мотивации такими психологическими факторами, как эмпатия, сострадание, идеализм и желание, главным образом помочь, а не навредить другим людям (Downey, 2015). Также примечательно, что одно из основных заключений отчета ПРООН касается быстроты процесса вербовки наряду с сопутствующим чувством принадлежности:

48% респондентов вступили в ряды рассматриваемой организации менее чем за месяц с первого контакта с ней, а 80% - менее чем за год. Быстрота вербовки свидетельствует о глубине испытываемой уязвимости. Среди присоединившихся распространены такие чувства, как «надежда/воодушевление» и «быть частью чего-то большего», свидетельствуя об «удерживающей» возможности радикальных перемен и восстания против существующего положения, которую представляет насильственный экстремизм. (2017, p. 6).

В своем Плане действий по предупреждению воинствующего экстремизма Генеральный секретарь указал на гендерное неравенство, маргинализацию, отчуждение и дискриминацию в качестве основных драйверов насильственного экстремизма. И хотя разнообразие само по себе не делает страну уязвимой по отношению к насильственному экстремизму, когда одна группа действует индивидуально в политическом и экономическом секторах в ущерб другим группам, вероятность возникновения межобщинных конфликтов, гендерного неравенства, маргинализации, отчуждения и дискриминации возрастает. Этот процесс может принимать различные формы, например, ограниченный доступ к государственным услугам и возможностям трудоустройства, а также создание препятствий для регионального развития и осуществления права на свободу вероисповедания, что может в свою очередь усугубить недовольство уже имеющегося разочарования, вызванного любыми другими факторами, например, социально-экономическим неравенством и лишениями (Доклад Генеральной Ассамблеи А/70/674, п. 26).

И наоборот, растущее разнообразие во все более взаимосвязанном мире само по себе может вызвать чувство страха и гнева, например, когда блага, которые раньше были предоставлены конкретной группе или общине, теперь распределены среди более многочисленных групп, что может сопровождаться сокращением благ по сравнению с тем, как это было раньше (например, в связи с текущим миграционным кризисом). Когда некоторые люди чувствуют, что разнообразие угрожает их интересам или безопасности, это может привести к межобщинной напряженности, результатом чего может стать скорее непринятие разнообразия, чем его поощрение. По мнению некоторых, это может отчасти служить объяснением роста влияния крайне правых националистических групп в Европе в ответ на происходящий миграционный кризис (Steinmayr, 2017, p. 24).

Непосредственно связано с этим общее ощущение утраты гражданских прав в обществе, в котором живут эти люди; настроения, которые могут быть далее обострены в силу таких факторов, как незначительное вовлечение в политическую жизнь или его отсутствие, ограничение свободы выражения и сокращение пространства гражданского общества. Недостаточно развитые и неопытные гражданские общества, например, в «переходных странах» (например, восстанавливающиеся после конфликта или более авторитарного режима), часто не способны надлежащим образом направить разочарование людей в русло конструктивной связи в ответ на такие разочарования. Даже в странах с сильными гражданскими обществами ощущение отчуждения некоторых групп может привести к тому, что люди могут отвергать имеющиеся открытые платформы («безопасные пространства») для выражения своих чувств и взглядов в пользу альтернативных площадок встреч с «придерживающимися тех же взглядов» (обозленными) людьми, либо жить в изоляции (ПРООН, 2016, стр. 20-21). Сопровождающееся ощущение бесправия и отчуждения, особенно когда его испытывают в течение длительного периода времени, может подтолкнуть некоторых к насильственному экстремизму (ПРООН, 2016, стр. 21).

Насильственные экстремистские группировки профессионально используют рост глобального экономического неравенства наряду с ощущением несправедливости, обусловленным текущей социально-экономической и политической системой. Они предлагают идеологические альтернативы идеям свободных рынков, демократии и культурного разнообразия, предлагая такие альтернативы, которые обеспечивают расширение прав и возможностей, порядок и безопасность с помощью насилия как инструмента для внушения этого мнения среди широких слоев общественности (ПРООН, 2016, стр. 21). Тем не менее, несмотря на вышеизложенное, сделать какой-либо однозначный вывод относительно эффекта воздействия лишения гражданских прав на осуществление вербовки не представляется возможным. Например, все акты насильственного экстремизма, совершенные в Мьянме или Индии свидетельствуют о том, что они часто совершаются сообществами большинства, которые как правило, не страдают от таких ощущений, как лишение гражданских прав (McPherson, 2016).

Неэффективное управление, нарушения прав человека и верховенства права

Вопросы неэффективного управления, а также нарушение прав человека и верховенства права, возникают повсеместно, и эти проблемы актуальны в контексте глобальных усилий по достижению Повестки дня в области устойчивого развития, а также контртеррористических действий на национальном, региональном и глобальном уровнях, что в свою очередь, может оказывать негативное влияние на деятельность в

области предупреждения и противодействия насильственному экстремизму. Некоторые из основных вопросов рассматриваются здесь.

Хотя имеется достоверная информация, что негосударственные акторы совершали серьезные нарушения права в области прав человека в виде тяжких международных преступлений - например, пытки, сексуальное и гендерное насилие - и часто оставались безнаказанными (Доклад Генеральной Ассамблеи A/70/674, п. 18-20) (см. Модуль 14), отмечается, что некоторые государственные акторы также нарушали принципы верховенства права и прав человека. В дополнение к этому, нарушения прав человека и верховенства права иногда происходят в рамках усилий государства по вмешательству на ранних стадиях радикализации, ведущей к экстремизму, который может приобрести насильственный характер. Некоторые из этих усилий, тем не менее, могут «нести угрозу того, что государства могут использовать подход к установлению порядка, при котором обеспечение безопасности ставится выше защиты прав человека.... Чтобы предусмотреть все траектории обращения к возможному терроризму и насильственному экстремизму на самой ранней стадии, может потребоваться реализация таких широкомасштабных мер по обеспечению безопасности, что усилия по защите прав человека могут стать неэффективными» (Генеральная Ассамблея, доклад Совета по правам человека A/HRC/31/65, п. 12).

По этим причинам в Плане действий по предупреждению воинствующего экстремизма Генеральный секретарь отмечает, что «мы должны проявлять бдительность для обеспечения того, чтобы государства-члены в своих усилиях по борьбе с воинствующим экстремизмом соблюдали законность и действовали в соответствии со своими обязательствами по международному праву в области прав человека, а также, в соответствующих случаях, нормами международного гуманитарного права» (Доклад A/70/674, п. 20). Признавая существование связи между нарушением принципа верховенства права и насильственным экстремизмом, в Плане действий по предупреждению воинствующего экстремизма также отмечается:

Воинствующий экстремизм, как правило, процветает в условиях, характеризующихся неэффективным управлением, отсутствием демократии, коррупцией и культурой безнаказанности за противоправное поведение со стороны государства или его представителей. Привлекательность воинствующего экстремизма обычно повышается в тех случаях, когда неэффективное управление сопровождается осуществлением репрессивной политики и практики ... В своей борьбе против государства воинствующие экстремисты также активно стремятся использовать в своих целях государственные репрессии и другие злоупотребления (п. 27).

Доклад ПРООН содержит аналогичные выводы, призывающие переосмыслить «государственные меры по обеспечению безопасности» и соответствующее усиление надзора, чтобы обеспечить соблюдение этих основополагающих обязательств и внедрение эффективных механизмов подотчетности, там где они отсутствуют (ПРООН, 2017, стр. 5). Один из выводов непосредственно касается этого:

Идея преобразующего триггера, который подталкивает людей перейти осознанно из категории «риска» к шагу по присоединению к экстремистским группам, подтверждается данными отчета «Путь к экстремизму». 71% респондентов указали в качестве события, подтолкнувшего к вступлению в ряды, «действия правительства», в том числе «убийство члена семьи или друга» или «арест члена семьи или друга». Эти заключения поднимают вопрос о том, каким образом функции государства по борьбе с терроризмом и более широким обеспечением

безопасности в зонах повышенного риска проявляют себя в отношении прав человека и надлежащего судопроизводства. Действия государственных представителей по обеспечению безопасности показали себя в качестве важного катализатора вербовки, а не наоборот. (2017, стр. 5).

Выводы доклада вновь подтвердили важность обеспечения того, чтобы при «борьбе с терроризмом не были достигнуты контрпродуктивные результаты, особенно в отношении гражданского участия» (ПРООН, 2017, стр. 5). Несоблюдение этого принципа может (еще более) подорвать восприятие «государственной легитимности» и укрепить существующие негативные идеи, например, в отношении «враждебных властных структур» в районах, которые уже уязвимы перед вербовкой насильственного экстремизма (ПРООН, 2017, стр. 5).

Еще один вопрос, вызывающий большую озабоченность, о котором упоминалось ранее, связан с проблемой определения насильственного экстремизма, в частности использование государствами неоднозначных политических и юридических определений, которые не только не имеют правовой ясности, но могут фактически содействовать нарушению прав человека и более широкого принципа верховенства права. В докладе УВКБ указывается:

Некоторые национальные законы и концепции рассматривают феномен «экстремизма», при этом не определяют его как «насильственный». «Экстремизм» определяется как «протест словом или делом» против ценностей соответствующей страны или общества, в том числе ценностей «демократии, верховенства права, свободы личности и взаимного уважения и терпимости применительно к различным религиям и верованиям. В некоторых определениях термина «экстремизм» делаются отсылки на понятия или цели, которые являются расистскими, анархистскими, националистическими, авторитарными или тоталитарными, независимо от их политического, идеологического, религиозного или философского характера, и которые в теории или на практике противоречат принципам демократии и прав человека, эффективного функционирования демократических институтов государства или же другим основополагающим принципам верховенства права. В некоторых законах и документах эта идея получает дальнейшее развитие, и экстремизм описывается как явление, охватывающее в том числе и ненасильственное поведение, включая поведение, направленное на оскорбление национальной гордости или ущемление национального достоинства, либо распространение заведомо ложных обвинений в отношении должностных лиц федеральных и региональных органов власти, например, обвинений в совершении незаконных или преступных деяний в официальном статусе. (A/HRC/33/29, п. 18).

Касаясь этих вопросов, Генеральный секретарь в Плане действий по предупреждению воинствующего экстремизма подчеркнул, что законодательные подходы государств должны соответствовать их обязательствам по международному праву (доклад Генеральной Ассамблеи A/70/674, п. 5). Особого упоминания заслуживает Статья 15 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), которая требует обеспечить определенность в законе в отношении каждого, кто признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления. Такая практика как взаимозаменяемое использование терминов «терроризм» и «насильственный экстремизм» конечно не способствует осуществлению этого требования (Nasser-Eddine, et al., 2011). Далее в докладе УВКБ отмечается:

Правовые или политические рамки, которые не обеспечивают ясного определения феномена, не только чреваты неэффективными мерами, но и могут стать губительными. Расплывчатые концепции как «насильственный экстремизм», «экстремизм» или «радикализация» могут трактоваться по-разному и ими можно легко злоупотреблять. В частности, они несут риск включения манифестаций и действий, которые являются законными согласно международному праву в области прав человека. (A/HRC/33/29, п. 20).

Особым поводом для беспокойства выступает тот факт, что неоднозначная терминология может быть неправильно использована государствами для подавления не только насильственного поведения, но даже альтернативных взглядов или противоположных убеждений, которые не только допустимы, но и защищены международным правом в области прав человека, также как и конституциями многих стран (Генеральная ассамблея, доклад Совета по правам человека A/HRC/33/29, п. 18). В свою очередь, установленный в результате этого отказ от «безопасных пространств» для инакомыслящих может усугубить разочарование уже лишенных прав людей. В докладе УВКПЧ подчеркивается, что «права на свободу мирных собраний и ассоциации являются неотъемлемыми компонентами демократии, дающими людям неоценимые возможности выразить свои политические взгляды, а также создающими возможности для диалога в целях предотвращения насильственного экстремизма и противодействия ему» (Генеральная Ассамблея, доклад Совета по правам человека A/HRC/33/29, п. 5). (см. Модуль 13 далее).

В более общем плане, неэффективные структуры управления также могут являться существенным источником разочарования, в том числе когда они неразрывно связаны с «отсутствием демократии, коррупцией и культурой безнаказанности» (доклад Генеральной Ассамблеи A/70/674, п. 3). Например, невысокие результаты в области развития могут служить источником недоверия к легитимности правительства; в свою очередь, это может еще сильнее снизить эффективность деятельности государственных учреждений в области противодействия насильственному экстремизму в случае его возникновения (Доклад Генеральной Ассамблеи A/70/674, п. 25). Эти вопросы затрагивались в докладе ПРООН, в котором указывался высокий уровень недовольства и недоверия к правительству со стороны тех, кто был впоследствии завербован. Ключевые показатели включали:

Вера в то, что правительство защищает только интересы узких кругов; низкий уровень доверия к правительственным органам; опыт или желание заявить о случаях дачи взятки. Особенно выделяются жалобы на действия сил безопасности, а также политиков - примерно 78% респондентов указывают на низкий уровень доверия полиции, политикам и военным. Среди тех, кто наиболее подвержен вербовке, отмечается более низкий уровень веры в потенциал демократических институтов по достижению прогресса или значимых изменений. (2017, стр. 5).

ПРООН определяет несколько вопросов, имеющих отношение к неэффективному управлению в контексте противодействия насильственному экстремизму. Например, может существовать сильная взаимосвязь между «политическим насилием и опытом или восприятием несправедливости, коррупции или систематической дискриминации» (ПРООН, 2016, стр. 21). Эта взаимосвязь может оказаться сильнее, чем взаимосвязь с социально-экономическими вопросами бедности, в том, что «люди берут в руки оружие не потому, что бедные, а потому, что они злы и разочарованы» (ПРООН, 2016, стр. 21). Wentling убедительно писал, что «пока политические элиты и богатые могут поступать по своему усмотрению, не боясь никаких юридических санкций, колоссальный и растущий разрыв между огромной серой массой людей, которые почти ничего не имеют, и небольшим процентом населения, которое владеет многим, будет увеличиваться»

(Wentling, 2002, стр. 4). Таким образом, понятно, почему коррупция может усиливать восприятие несправедливости, которое в свою очередь, способствует общему недовольству. Это положение еще больше обостряется в ситуациях, когда безнаказанность за несправедливость, коррупцию и жестокое обращение является обыденным явлением. В свою очередь это может стать источником того, что насильственные действия являются оправданными, когда они направлены на устранение неравенства и несправедливости, которые вытекают из такой безнаказанности.

Еще одним способствующим фактором могут выступать «бездушные операции по профилированию или правоохранные мероприятия в общественных местах и контрольно-пропускных пунктах и недостаточная осведомленность о социальных и культурных особенностях групп меньшинств, которые могут усилить чувство преследования» (ПРООН, 2016, стр. 21). Касаясь этих вопросов Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации выступил за то, что «государства должны гарантировать, что любые меры, предпринимаемые в контексте борьбы с терроризмом, не должны по своей сути или последствиям быть дискриминационными на основании религии, расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения и, что неграждане не подвергаются расовому или этническому профилированию или стереотипам» (2002, п. 10). Несомненно, любая государственная политика, которая влечет за собой профилирование отдельных целевых групп общества, может привести к ощущению все большего отчуждения, что в свою очередь может разжигать недовольство и способствовать планам по вербовке в целях терроризма (см., например, Aziz, 2017, стр. 263).

Затянувшиеся и неурегулированные конфликты

Четвертый основной фактор, определяемый Генеральным секретарем, связан с затянувшимися и неурегулированными конфликтами, принимая во внимание, что содействие миру является неотъемлемым аспектом ЦУР 16. Очевидно, что такие формы конфликтов взаимосвязаны с другими факторами, упомянутыми выше. Например, как признается в Повестке дня в области устойчивого развития «обеспечение устойчивого развития невозможно без мира и безопасности». Таким образом, очевидно, что урегулирование конфликтов имеет важное значение, в том числе, для обеспечения социально-экономических возможностей. Более того, построение мира играет важнейшую роль с точки зрения смягчения других драйверов насильственного экстремизма, поскольку является основой для построения справедливого и инклюзивного общества (Резолюция Генеральной Ассамблеи 70/1, п. 35).

Кроме того, этот фактор имеет более широкое значение в том отношении, что такие формы конфликтов могут быть причиной не только человеческих страданий и неэффективного управления, но также содействовать осуществлению планов насильственных экстремистских организаций. Например, в конфликтах, во время которых затрудняется работа государственной машины, отсутствие эффективного государственного контроля может быть использовано насильственными экстремистскими организациями для бесконтрольного продвижения экстремистских нарративов и действий (ЮСАИД, 2009, стр. 42). Подобные ситуации также могут быть использованы этими группировками для продвижения своих программ, обычно посредством таких действий, как захват территории, ресурсов и контроля. Также необходимо признать, что вооруженные конфликты могут служить фактором мотивации, вдохновляя других вступить на путь насильственного экстремизма (ЮСАИД, 2009, стр. 42). В ответ на эти вызовы, Генеральный секретарь призвал принять меры по урегулированию затянувшихся конфликтов как эффективного инструмента снижения воздействия

подстрекательных идеологий насильственных экстремистских групп, высказав мнение, что «когда превентивная деятельность не приносит желаемых результатов, мы должны в качестве наиболее эффективной стратегии установления прочного мира и ликвидации воинствующего экстремизма стремиться к принятию политических решений на основе участия всех сторон и обеспечивать подотчетность всех политиков» (доклад Генеральной Ассамблеи А/70/674, п. 30).

Радикализация в тюрьмах

Другой ключевой фактор, являющийся центральным элементом Плана действий по предупреждению воинствующего экстремизма, касается воздействия радикализации в тюрьмах с точки зрения содействия насильственным экстремистским повесткам. Здесь действуют два аспекта: во-первых, тюрьмы обеспечивают уникальные условия для распространения экстремальных и насильственных идеологий (Speckhard, Shajkovic and Esngul, 2017); и, во-вторых, условия внутри тюрем могут способствовать созданию или нагнетанию уже имеющейся враждебности. Существующие исследования предполагают, что «практика жестокого обращения в местах содержания под стражей может играть тревожно большую роль в вербовке значительного числа людей в ряды воинствующих экстремистских групп и террористических организаций» (доклад Генеральной Ассамблеи А/70/674, п. 31), повышая тем самым важность соблюдения прав человека задерживающим государством. Такие факторы, как бесчеловечные условия содержания в тюрьмах и жесткое обращение с заключенными, институциональная коррупция и преступная деятельность могут побуждать заключенных искать защиты у насильственных экстремистских групп. Помимо поиска более эффективного решения данных вопросов существует острая необходимость создания более действенных механизмов, обеспечивающих нераспространение или, по крайней мере, сокращение имеющегося масштаба пропаганды насильственных экстремистских идеологий (Доклад Генеральной Ассамблеи А/70/674, п. 31).

Между факторами, способствующими насильственному экстремизму, и положениями Целей устойчивого развития (ЦУР) можно проследить определенную синергию. Например, помимо того что такие шаги будут способствовать сокращению влияния «движущих» факторов на тех, кто предрасположен к насильственным действиям, их реализация в некоторой степени будет содействовать выполнению требований ЦУР. Несмотря на то, что в Повестке дня в области устойчивого развития вопросы обращения с заключенными напрямую не затрагиваются, одним из ее всеобъемлющих принципов является важность обеспечения всеобщего равенства, при этом ЦУР 16 направлена на сокращение всех форм насилия вместе с соблюдением и укреплением верховенства права. В Планах действий Бельгии по предотвращению радикализации в тюрьмах отмечается:

Самым действенным оружием в борьбе с радикализацией в тюрьмах, несомненно, является гуманная политика содержания под стражей, которая обеспечивает соблюдение основных прав задержанных и неустанно делает акцент на реабилитации и реинтеграции. Таким образом, лишение свободы или другие меры наказания должны осуществляться в психологических, физических и материальных условиях с уважением достоинства, присущего человеческой личности, обеспечивать сохранение или развитие самоуважения задержанных и вызывать к их индивидуальной и социальной ответственности. (Государственная федеральная служба юстиции Бельгии, 2015, стр. 4, 6).

Международные подходы к предупреждению и противодействию насильственному экстремизму

Рамочная программа Организации Объединенных Наций

Раздел 1 Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций касается «устранения условий, способствующих распространению терроризма», некоторые из которых были рассмотрены в предыдущих разделах.

Вопросы, связанные с предупреждением и противодействием насильственному экстремизму на протяжении определенного времени занимают видное место в международной повестке дня особенно после террористических атак 11 сентября 2001 года, свидетельством чего является участие в решении этих задач многих учреждений ООН и других организаций (см., например, [члены Целевой группы по осуществлению контртеррористических мероприятий \(ЦНОКМ\)](#)). Примечательно, что предупреждение и противодействие насильственному экстремизму являются первоочередной задачей в повестке дня Совета Безопасности в связи с угрозами, которые насильственный экстремизм и терроризм представляют международному миру и безопасности. Одной из ранних важных резолюций стала резолюция Совета Безопасности 1624 (2005), которая касалась предотвращения подстрекательства к террористическим актам, призывая законодательно запретить подстрекательство к совершению террористического акта или актов; (п. 1), а также обеспечить эффективное международное сотрудничество по всем направлениям борьбы с терроризмом, главным образом предотвращение въезда лиц, занимающихся таким подстрекательством (п. 1 и 2). Помимо этого, Совет Безопасности уделил внимание укреплению международных усилий для устранения растущих масштабов нетерпимости, которая наряду с экстремизмом служит мотивом подстрекательства к террористическим актам, путем таких усилий, как расширение диалога и углубление взаимопонимания между цивилизациями (п. 3).

Неотъемлемым элементом таких мер является эффективное участие всех заинтересованных сторон, в том числе средств массовой информации, гражданского общества и религиозных общин, деловых кругов и образовательных учреждений (Преамбула). Важным примером такого взаимодействия заинтересованных сторон являются такие инициативы, как создание компаниями Facebook, Microsoft, Twitter и YouTube Глобального интернет форума по борьбе с терроризмом в июне 2017 года в поддержку, главным образом, государственных, межгосударственных и частных инициатив с целью «сделать предлагаемые ими услуги хостинга враждебными для террористов и насильственных экстремистов» (Контртеррористический Комитет Совета Безопасности, 2017). Первоначально Форум сосредоточится на совершенствовании технологических решений, проведении исследований для помощи в быстром удалении террористического содержания, а также обмену знаниями с различными партнерами (Контртеррористический Комитет Совета Безопасности, 2017). Эта работа осуществляется в рамках совместного партнерства с Исполнительным директором Контртеррористического комитета (ИДКТК) и инициативой ICT4Peace (techagainstterrorism.org) во исполнение Резолюции Совета Безопасности 2354 (2017).

Резолюция 2178 (2014) была принята Советом Безопасности в ответ на усиление угрозы, которую представляют иностранные боевики, вступившие в ряды таких террористических группировок как ИГИЛ и «Аль-Каида». Резолюция определяет их как «лица, отправляющиеся в государство, не являющееся государством их проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки, в том числе в связи с вооруженным конфликтом» (Преамбула). Особую важность в контексте насильственного экстремизма и усилий по предупреждению и противодействию этому явлению обретает необходимость устранения всеобъемлющим и комплексным образом угрозы, которую представляет собой явление иностранных боевиков-террористов, в том числе его основополагающие факторы, путем:

«предотвращения радикализации до уровня, порождающего терроризм, пресечения вербовки, затруднения поездок иностранных боевиков-террористов, противодействия насильственному экстремизму, который может служить питательной средой для терроризма, недопущения подстрекательства к совершению террористических актов, мотивированных экстремизмом и нетерпимостью, поощрения политической и религиозной терпимости, экономического развития и социальной сплоченности и интеграции, прекращения и урегулирования вооруженных конфликтов и содействия реинтеграции и восстановлению» (Преамбула).

Признавая значение некоторых драйверов насильственного экстремизма, впоследствии включенных в План действий по предупреждению воинствующего экстремизма в 2016 году, резолюция особо отмечает важность разработки контрнарративов насильственного экстремизма, в частности в отношении ненасильственных путей предупреждения и урегулирования конфликтов (п. 19). В этой связи данная резолюция использует и далее развивает ключевые темы и вопросы, обозначенные в резолюции 1624 (2005).

Особое внимание в Резолюции 2178 также уделяется важности участия и расширения прав и возможностей женщин и молодежи, в том числе участие женщин в разработке стратегий борьбы с терроризмом и П/ПНЭ (например, п. 16). Эти вопросы были далее развиты в последующем году: резолюция Совета Безопасности 2242 (2015) призывает государства-члены и систему ООН «обеспечивать участие и руководящую роль женщин и женских организаций в разработке стратегий противодействия терроризму и насильственному экстремизму» (п. 13); в то время как резолюция Совета Безопасности 2250 (2015) призывает государства-члены «изучить пути увеличения всеобъемлющей представленности молодежи в процессах принятия решений на всех уровнях в рамках местных, национальных, региональных и международных учреждений и механизмов по предотвращению и разрешению конфликтов, включая учреждения и механизмы по противодействию насильственному экстремизму» (п. 1). Такое повышенное внимание к этому вопросу предполагает борьбу с часто ошибочными гендерными стереотипами, например, устойчивым мнением о том, что мужчины более склонны участвовать в террористических действиях, нежели женщины. В некоторых частях света такие мнения не соответствуют действительности, например, в Нигерии, где «частота и интенсивность нападений смертников с участием женщин и девочек резко возросла в 2015 году, а «Аль-Шабааб» публично призвала родителей отправлять своих незамужних дочерей воевать наряду с боевиками-мужчинами» (Контртеррористический комитет Совета Безопасности, 2017).

Наравне с усилиями Совета Безопасности Генеральная Ассамблея также ведет работу в этом направлении. В целом, Ассамблея затрагивала вопросы насильственного экстремизма и П/ПНЭ в контексте Контртеррористической стратегии ООН и ее

двухгодичных обзоров (например, резолюция Генеральной Ассамблеи 70/291). Некоторые темы, например касающиеся важности повышения межконфессиональной и межкультурной толерантности и понимания, также отражены в содержании других резолюций, например, ежегодные резолюции Генеральной Ассамблеи о мерах по ликвидации международного терроризма (недавняя резолюция 72/123), а также резолюций, посвященных таким вопросам, как последствия терроризма для соблюдения прав человека (например, резолюция 72/246).

В дополнение к этому Генеральный секретарь ООН активно вовлечен в П/ПНЭ, главным образом, через внедрение своего Плана действий по предупреждению воинствующего экстремизма. Основной целью Плана является содействие и поощрение разработке «комплексного подхода, предусматривающего принятие не только мер по обеспечению безопасности в рамках борьбы с терроризмом, но и также систематических превентивных мер, непосредственно касающихся драйверов воинствующего экстремизма, которые привели к возникновению этих новых и более опасных групп» (доклад Генеральной Ассамблеи A/70/674, п. 6). В этой связи, В Платформе сформулированы более 70 рекомендаций для государств-членов по предотвращению распространения насильственного экстремизма, в том числе посредством разработки национальных и (суб)региональных планов, которые отражают более локальные и региональные контекстные факторы и приоритеты с применением междисциплинарного и межсекторального подхода. Основные «драйверы» насильственного экстремизма были рассмотрены ранее в этом Модуле.

Региональные и многосторонние подходы к предупреждению и противодействию воинствующему экстремизму

Как и до принятия Плана действий по предупреждению воинствующего экстремизма, так и во исполнение этого плана, субрегиональные и региональные организации принимали участие в различных мероприятиях, направленных в конечном итоге на более эффективное предупреждение и противодействие насильственному экстремизму. Далее представлен обзор некоторых региональных и многосторонних подходов.

Африканский регион

Рост событий, связанных с терроризмом и насильственным экстремизмом, стал источником серьезных угроз миру и безопасности в африканском регионе. Случаи, связанные с проявлением насильственного экстремизма, имели место по всему континенту. В качестве примера можно привести череду нападений в Тунисе, ответственность за которые была возложена правительством Туниса на ИГИЛ (Проект по борьбе с экстремизмом); в это же время действия «Боко Харам» в Нигерии негативно отразились на жизни тысяч людей (Maclean, 2018); также как и в Сомали из-за жестоких действий «Аль-Шабааб», которые иногда распространялись на соседние страны, например, Кению и Уганду (Ramdeen, 2017). В ответ на это, Совет мира и безопасности Африканского союза – «платформа для государств-членов Африканского союза для представления своих внешнеполитических проблем в связи с вопросами мира и безопасности» (Совет мира и безопасности Африканского союза), - строго осудил

«насильственные экстремистские идеологии и риторику и признал неотъемлемую роль этих явлений в конечном совершении террористических актов» (см. также Институт по изучению проблем безопасности, 2017). В результате Совет подчеркнул необходимость борьбы с экстремизмом, призывая государства-члены «прилагать все возможные усилия для эффективного устранения основных причин и основополагающих условий, способствующих распространению терроризма» (Совет мира и безопасности Африканского союза, (А)).

Одним из основных предметов озабоченности Африканского совета является необходимость эффективного решения проблемы, которую представляет насильственный экстремизм. В этой связи, Совет мира и безопасности сосредоточил значительную часть своей деятельности на решении этой проблемы. Так, например, в октябре 2017 года Совет провел 728-ое заседание с целью освещения вопроса «роли женщин в предотвращении и борьбе с насильственным экстремизмом в Африке» (Совет мира и безопасности Африканского союза, (В)), отражая положения резолюции Совета Безопасности 1325 (2000) о важности роли женщин в предотвращении и урегулировании конфликта в целях поддержания мира и безопасности. В качестве преамбулы к обсуждению Совет подчеркнул серьезность угрозы, которую насильственный экстремизм представляет не только миру и безопасности, но и реализации долгосрочного «устойчивого развития африканского региона» (Совет мира и безопасности Африканского союза, (В)). Совет далее отметил центральную роль, которую женщины могут играть в борьбе с насильственным экстремизмом, и то, что для содействию этому Африканский совет должен продолжать поощрять права женщин в связи с тем, что соответствующая работа является «одним из ключевых факторов успеха в предупреждении и противодействии насильственному экстремизму» (Совет мира и безопасности Африканского союза, (В)). Совет также подчеркнул «важность институционализации процесса интеграции гендерных вопросов в национальные политические программы, а также поощрения и обеспечения эффективного участия женщин в принятии решений, в частности в реализации повестки дня по вопросам мира и безопасности на африканском континенте» (Совет мира и безопасности Африканского союза, (В)).

Аналогичным образом, Молодежное подразделение Африканского совета признало важность повышения взаимодействия с молодежью Африки в области предупреждения и противодействия насильственному экстремизму в контексте более широкого регионального подхода. Цель Молодежного подразделения в вопросах, связанных с насильственным экстремизмом, заключается в «применении «мягкой силы религии и диалога» с целью пропаганды «ценностей толерантности, взаимоуважения и лучшего понимания, основанных на меж- и внутриконфессиональных, межрелигиозных и межкультурных ценностях, которые являются основными принципами интеграции и мира» в надежде на то, что это будет способствовать изменению поведенческих моделей в общинах и среди отдельных людей (Совет мира и безопасности Африканского союза (В)). Такой «мягкий подход» был принят, например, в Нигерии Управлением Советника по национальной безопасности (ИДКТК, Международный контртеррористический центр, 2015, стр. 8).

Очевидно, что в целях обеспечения эффективных мер противодействия насильственному экстремизму Африканский регион стремился расширить диалог с гражданским обществом и более тесно взаимодействовать с широкими слоями общества, чем это было ранее, в отношении вопросов, связанных с П/ПНЭ, что означает шаг навстречу более комплексным стратегиям, не ограничивающимся исключительно вопросами безопасности. При этом несмотря на то, что помимо прочего, Совет по миру и безопасности продолжал делать акцент на важности взаимодействия с более широким

кругом заинтересованных сторон в усилиях по предупреждению и противодействию насильственному экстремизму – в том числе более активное участие женщин, руководителей религиозных групп, общинных лидеров, образовательных учреждений и молодежи (Совет мира и безопасности Африканского союза, (С)) – на сегодняшний день он предоставил мало информации в плане того, как это участие может быть реализовано на практике женщинами или другими ключевыми заинтересованными сторонами.

Азиатский регион

Существование и влияние насильственного экстремизма не является новым для азиатского региона, хотя особенно в последнее десятилетие регион столкнулся с ростом связанных с этим событий. В ответ на это, регион обязался принимать меры по решению этих вопросов, в том числе под эгидой различных региональных организаций. [Ассоциация государств Юго-Восточной Азии](#) (АСЕАН), например, признает, что должна проводить «совместную работу по противодействию всем формам терроризма и насильственного экстремизма» (АСЕАН, 2017); в то же время [Шанхайская организация сотрудничества](#) (ШОС) подчеркивает необходимость усилий по завершению, принятию и реализации Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом (обсуждается в Модуле 4). Помимо этого, ШОС присоединилась к АСЕАН в признании важности расширения сотрудничества между государствами-членами в целях борьбы с деятельностью лиц и организаций, связанной с вербовкой и подготовкой тех, кто может принять участие в насильственной экстремистской деятельности, по-прежнему подчеркивая важность «практики проведения на регулярной основе совместных антитеррористических учений» для государств-членов (Астанинская декларация, 2017, стр. 5). Как отмечается в Модуле 4, уникальной особенностью ШОС является наличие антитеррористического инструмента, регулирующего экстремистскую и террористическую деятельность.

Интересно отметить, что такие декларации обычно не предусматривают четко сформулированные механизмы П/ПНЭ, как было отмечено Gregory Rose и Diana Nestorovska в своей сравнительной оценке региональных контртеррористических договоров (Rose and Nestorovska, 2006, стр. 157-185). Авторы пришли к заключению, что терминология, используемая в соответствующих инструментах и соглашениях, зачастую была расплывчатой с неопределенными сопутствующими обязательствами, высказав мнение, что большинство мер, разработанных в целях предупреждения экстремизма и сотрудничества в области разведывательной деятельности, были неосновательными.

Изучая формы реагирования на насильственный экстремизм, интересно также отметить, например, что в рамках Астанинской декларации глав государств Шанхайской организации сотрудничества ШОС уделила относительно мало внимания несекьюритизированным мерам реагирования. Вместе с тем, ШОС признает важность социально-экономического развития, и то, что в целом государства должны действовать для реализации своего собственного экономического потенциала, что может хоть в какой-то мере способствовать смягчению воздействия драйверов насильственного экстремизма. При этом некоторые вопросы по-прежнему остаются актуальными, о чем свидетельствует тот факт, что многие предложения на национальном уровне, направленные на борьбу с насильственным экстремизмом, главным образом ограничиваются вопросами безопасности (Almuttaqi, 2015).

Также были отмечены шаги к применению «более мягких» превентивных мер. Например, первый за всю историю план Правительства Индонезии по противодействию насильственному экстремизму, несмотря на основную ориентированность на

применение традиционных правоохранительных мер дополняет эти меры признанием важности внедрения мягкого и убедительного подхода в целях сокращения драйверов насильственного экстремизма. С этой точки зрения, в Плане индонезийского правительства отмечено несколько факторов, требующих специального внимания: бедность; политические разногласия; низкий уровень образования; социальные, культурные и психологические условия; а также технологии (Национальное контртеррористическое агентство, 2014). Можно наблюдать очевидную связь между этими факторами и Планом действий по предупреждению воинствующего экстремизма Генерального секретаря ООН.

Как и в случае Африканского региона, очевидно, что растет понимание важной роли, которую женщины могут и должны играть в усилиях по предупреждению и противодействию насильственному экстремизму. Исследовательский институт по вопросам Азиатско-Тихоокеанского региона «Форум стран Восточной Азии», например, определил роль, которую женщины могут играть в содействии предотвращению распространения фундаментальных идеологий. Исследовательская группа по вопросам гендера, мира и безопасности «Monash», специализирующаяся на изучении роли женщин в предупреждении и противодействии насильственному экстремизму, также признала в своей работе *«Предотвращение насильственного экстремизма: гендерная перспектива и роли женщин»* «впечатляющее многообразие способов, посредством которых женщины индивидуально и коллективно» принимают участие в предупреждении насильственного экстремизма. Работа также определила, что роль женщин в предупреждении и противодействии насильственному экстремизму выходит «далеко за рамки своей роли в семье» (True and Eddyono, 2017, стр. 7), и что государства должны оказывать поддержку работающим и выполняющим ведущие роли в общинах женщинам (True and Eddyono, 2017, стр. 15). В дополнение к признанию роли женщин основное внимание в исследовании «Monash» уделяется важности поощрения гендерного равенства как «единственной наиболее действенной контрмеры против экстремистских интерпретаций религии» (True and Eddyono, 2017, стр. 15-16).

Европейский регион

Европейский регион также столкнулся с последствиями, связанными с насильственной экстремистской деятельностью. В докладе Организацией безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ) 2017 года отмечается:

В ОБСЕ практически нет стран, которые не были затронуты насильственным экстремизмом. В 2016 году в результате террористических атак в государствах-членах ОБСЕ погибло более тысячи человек. Эти атаки привели к разрушению собственности и инфраструктуры на миллиарды евро, подорвали доверие людей к правительству и учреждениям, и породили страх и подозрение среди членов различных этнических и религиозных общин. Насильственные экстремисты не только несут смерть и разрушения, они отравляют общества идеологиями ненависти и препятствуют мирному развитию, диалогу и сотрудничеству. Государства-члены ОБСЕ давно признали эту проблему. (Neumann, 2017, стр. 2).

В рамках деятельности ОБСЕ, куда входят страны, находящиеся за пределами европейского региона, усилия основываются на подходе «Противодействие насильственному экстремизму и радикализации, ведущей к терроризму» (НЭРВТ) и связаны с Консолидированной концептуальной базой ОБСЕ для борьбы с терроризмом, принятой в декабре 2012 (Постоянный совет ОБСЕ, 2012), а также двумя Заявлениями министров, принятыми в 2015 году (Совет министров ОБСЕ, 2015) и 2016 году (Совет

министров ОБСЕ, 2016). Что касается Консолидированной концептуальной базы ОБСЕ 2012 года НЭРВТ в ней определяется как одно из восьми «стратегических направлений деятельности» Консолидированной концептуальной базы (Постоянный совет ОБСЕ, 2012, п. 14-17). Среди драйверов отмечаются «негативные социально-экономические факторы», нарушения прав человека, дискриминация и нетерпимость вкупе с насильственными конфликтами.

В Декларации министров от 2015 года признавалось, что многосторонний подход к осуществлению контртеррористической деятельности требует всеобъемлющих непрерывных усилий по устранению как проявлений терроризма, так и «различных социально-экономических, политических и иных факторов, способных создавать условия, в которых террористические организации могли бы заниматься вербовкой и получать поддержку». (Преамбула). Основной идеей Декларации 2015 года стало укрепление международного сотрудничества, в том числе обмен передовой практикой и идеями. (Преамбула). Более того, в то время как в Декларации признается, что государства-участники играют главную роль в предупреждении терроризма и насильственного экстремизма и противодействии им, в ней также подчеркивается настоятельная необходимость полного взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами, в первую очередь «молодежью, семьями, женщинами, жертвами терроризма, лидерами в сферах религии, культуры и образования, гражданским обществом, а также средствами массовой информации» (Преамбула). Всеобъемлющей темой Декларации 2016 года стало подтверждение важности соблюдения верховенства права, в том числе ключевых принципов, лежащих в основе Глобальной контртеррористической стратегии ООН (например, п. 4 и 6). Также следует отметить, что Декларации 2015 и 2016 годов непосредственно затрагивают вопросы предупреждения и противодействия насильственному экстремизму, что соответственно, вновь говорит о различии между этими двумя понятиями, которое обсуждалось ранее. Для реализации этих задач ОБСЕ предприняла ряд различных инициатив - от конференций на высоком уровне до инициатив на местах (Neumann, 2017, стр. 33-38).

В том же докладе 2017 года его автор Peter Neumann сделал вывод, что несмотря на многочисленные сложности и вызовы, с которыми ОБСЕ сталкивается в своих усилиях по противодействию насильственному экстремизму и радикализации, имели место отдельные аспекты, которые позволили Организации повысить эффективность: (1) *«ее роль в предотвращении и урегулировании конфликтов, поощрении соблюдения прав человека и защиты прав национальных меньшинств...»*; (2) *«ее сильное местное присутствие, в частности в Центральной Азии и Западных Балканах...»*; и (3) *«разнообразие ее членского состава и организационный потенциал...»* (Neumann, 2017, р. 2). Среди основных вызовов Neumann выделил тот факт, что зачастую ключевые заинтересованные стороны не говорят на едином языке или имеют разные взгляды на основополагающие факторы или последствия насильственного экстремизма и радикализации (Neumann, 2017, стр. 2-3).

Аналогичным образом Европейский союз (ЕС) принимает активное участие в усилиях по вопросам, связанным с ПВЭ и НВЭ, в особенности после принятия Стратегии предупреждения радикализации и вербовки, впервые утвержденной в 2005 году (Европейский союз, Европейский Совет, 2005) и периодически обновляемой. Концепция «предупреждения» составляет одно из четырех направлений, лежащих в основе Стратегии ЕС по борьбе с терроризмом (Европейский союз, Европейский Совет, 2005). В этой связи, предотвращение форм радикализации является неотъемлемым элементом региональной контртеррористической деятельности ЕС, что также отражено в Повестке дня Европы в области безопасности 2015 года (Европейский союз, Европейский Совет, 2015). Как было отмечено в сообщении Европейской комиссии 2016 года, выражая свою

поддержку Плану действий по предупреждению воинствующего экстремизма, «насильственная радикализация не является новым явлением; тем не менее, самые последние ее проявления, ее масштаб, а также применение новых средств коммуникаций представляют собой новые вызовы, которые требуют подхода, направленного на устранение как непосредственных последствий радикализации для безопасности, так и ее коренных причин, а также объединения усилий всех соответствующих участников во всем обществе» (Европейский союз, Европейский Совет, 2016). Несмотря на то, что ЕС придерживается мнения, что государства несут главную ответственность за искоренение радикализации, тем не менее, он стремится оказывать поддержку государствам в следующем:

(i) поддержка исследований, мониторинга и обмена опытом; (ii) борьба с пропагандой терроризма и разжиганием ненависти в Интернете; (iii) решение проблемы радикализации в тюрьмах; (iv) поощрение инклюзивного образования и общих ценностей ЕС; (v) продвижение инклюзивного, открытого и устойчивого общества и работа с молодежью; (vi) вопросы безопасности в контексте борьбы с радикализацией; (vii) и международное сотрудничество (Европейский союз, Европейский Совет, 2016).

Среди основных «драйверов, способствующих радикализации», в сообщении 2016 года были определены следующие:

[А] сильное чувство личной или культурной отчужденности, воспринимаемая несправедливость или унижение, усугубленные социальной маргинализацией, ксенофобия или дискриминация, ограниченность возможностей обучения или трудоустройства, преступность, политические факторы, а также идеологические и религиозные аспекты, неструктурированные семейные связи, психологические травмы и другие психологические проблемы (Европейский союз, Европейский Совет, 2016).

В документе подчеркивается существенная роль социальных сетей для вербовки, которые «обеспечивают взаимосвязь и виртуальное участие для единомышленников с экстремистскими взглядами» наряду с относительно коротким сроком, в течение которого может произойти радикализация. По оценкам на сегодняшний день примерно 4000 граждан ЕС вступили в ряды «иностранных боевиков» (Европейский союз, Европейский Совет, 2016).

ЕС также предпринял ряд других мер, направленных прямо или косвенно на решение вопросов П/ПНЭ, в том числе Директива об аудиовизуальных медиа-услугах, согласно которой государства-члены обязаны не допускать наличия в аудиовизуальных медиа-услугах, таких как телевидение и услуги видео по запросу, каких-либо материалов, разжигающих ненависть по признаку расы, пола, религии или национальности (Европейский союз, Европейский Парламент и Совет, 2010). ЕС также нацелен на решение вопросов, связанных с радикализацией в тюрьмах, улучшением взаимодействия с молодежью, а также поддержкой третьих стран (например, не входящих в ЕС) в устранении основных факторов, способствующих радикализации (Европейский союз, Европейский Совет, 2016).

Для полноты картины необходимо отметить Совет Европы, который аналогичным образом участвует в деятельности в области предупреждения и противодействия насильственному экстремизму. Основным направлением его институционального внимания является предупреждение насильственного экстремизма в контексте радикализации молодежи (например, посредством проведения субрегиональных

конференций), а также радикализации в тюрьмах (например, путем подготовки руководства и других справочных материалов для обеспечения соблюдения Договаривающимися Сторонами своих обязательств по Европейской конвенции по правам человека), которые более подробно представлены во вкладке «инструменты» далее.

Межамериканский регион

Страны Америки также испытали на себе последствия насильственного экстремизма, в частности одной из самых значительных атак на сегодняшний день являются террористические акты 11 сентября, что привело к существенному увеличению внимания в регионе к проблеме терроризма и насильственного экстремизма. Например, вскоре после этих атак [Организация американских государств](#) (ОАГ) в 2002 году приняла [Межамериканскую конвенцию против терроризма](#) (см. далее Модуль 5). Отражая региональные приоритеты на момент ее принятия, основное внимание в Конвенции уделяется противодействию насильственному экстремизму посредством применения мер уголовного правосудия, подчеркивая при этом важность лишения террористических организаций финансовых ресурсов, необходимых для поддержки их террористической деятельности. Была также отмечена необходимость принятия согласованных усилий по «укреплению и созданию новых форм регионального сотрудничества» с целью искоренения насильственного экстремистского поведения. К июню 2018 года 24 из 33 государств-членов ОАГ ратифицировали данную Конвенцию. Насильственный экстремизм продолжает создавать существенные трудности и угрозы безопасности в регионе, будь это в виде атак «одиночек», как это имело место в Северной Америке (2017, BBC News; Bajekal, 2014), или в виде сотрудничества или объединения участников насильственной экстремисткой деятельности и организованных преступных группировок в Южной Америке (Fowler, 2016).

Несмотря на это, прямые меры по предупреждению и противодействию насильственному экстремизму, по крайней мере, осуществляемые под эгидой ОАГ сравнительно немногочисленны. За исключением периодических резолюций или инструментов, принятых Генеральной Ассамблеей ОАГ, по вопросам, связанным с терроризмом, наиболее активно действующей организацией в контексте контртеррористической деятельности является [Межамериканский комитет по борьбе с терроризмом](#) (СИКТЕ). Основным элементом его мандата является продвижение и укрепление сотрудничества среди государств-членов по «предотвращению, борьбе и ликвидации терроризма». Из резолюций и прочих документов ОАГ, в том числе материалов Генеральной Ассамблеи и СИКТЕ, можно видеть, что центральное внимание по-прежнему уделяется укреплению сотрудничества между государствами-членами ОАГ, главным образом в отношении приоритетных проблем терроризма, а также любым связям между «терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, незаконным оборотом оружия, отмыванием денег, и другими формами транснациональной организованной преступности, и..... незаконной деятельностью, которые могут быть использованы для поддержки и финансирования террористической деятельности» (СИКТЕ, OEA/Ser.L/X.2.11. CICTE/DEC.1/11).

Совершенно ясно, что по крайней мере некоторые из этих совместных мероприятий сконцентрированы главным образом на вопросах безопасности, о чем свидетельствует один из основных документов Генеральной Ассамблеи ОАГ по проблеме терроризма, а именно Декларация о подтверждении обязательства стран Западного полушария в борьбе с терроризмом 2008 года. В ней признается «значительный вклад, который внесли силы безопасности государств-членов в борьбу с терроризмом и что в этой связи

необходимо обеспечить надлежащее укрепление потенциала, подготовку и оснащение для противодействия этой угрозе, и что это требует наращивания международного сотрудничества в этих областях» (СИКТЕ, ОЕА/Ser.L/X.2.8). Другим основным направлением совместной деятельности является укрепление механизмов уголовного правосудия (см. также Межамериканская конвенция против терроризма, преамбула). Об этом свидетельствует последний рабочий план СИКТЕ, включающий компонент «обязательства по укреплению сотрудничества в целях предупреждения, противодействия и ликвидации терроризма», в котором главное внимание уделяется таким мерам как «взаимный обмен информацией, передовой практикой и опытом и улучшение доступа к источникам технической и финансовой помощи для институционального развития (СИКТЕ, ОЕА/Ser.L/X.2.11. СИСТЕ/ДЕС.1/11, п. 5), а также другим мероприятиям, в том числе «правовая помощь и борьба с финансированием терроризма» (СИКТЕ, ОЕА/Ser.L/X.2.11. СИСТЕ/ДЕС.1/11, п. 10).

При этом в основных документах ОАГ, в том числе Конвентии о контртеррористической конвенции 2002 года, вопросы радикализации, предупреждения и противодействия насильственному экстремизму, как таковые, прямо не затрагиваются. Возможно, эти вопросы попадают под более широкое определение концепции «предупреждения, противодействия и ликвидации». Таким образом, неясно, какие существуют приоритеты на региональном уровне или какие меры предпринимаются в отношении планов по предупреждению и противодействию насильственному экстремизму, в том числе для реализации Плана действий по предупреждению воинствующего экстремизма Генерального секретаря ООН. Также очевидно, что текущие приоритеты в области терроризма по-прежнему касаются, прежде всего, обеспечения кибербезопасности и защиты критически важной инфраструктуры в соответствии с резолюцией Совета Безопасности 1540 (2004) о недопущении попадания оружия массового поражения в руки террористических негосударственных акторов, а также проблемы финансирования террористов, чем решения основных причин, побуждающих террористов к таким действиям (см. подробнее [документы СИКТЕ](#)). Возможно, ситуация может измениться в будущем, отражая национальные подходы членов этой организации, например, *Совместная стратегия противодействия насильственному экстремизму*, разработанная Государственным департаментом США и ЮСАИД, которая включает оба компонента - предупреждение и противодействие насильственному экстремизму.

Ближний Восток и регион Персидского залива

Государства-члены [Лиги арабских государств](#) (ЛАГ) и [Организации исламского сотрудничества](#) (ОИС), включая, но не ограничиваясь регионами Ближнего Востока и Персидского залива также серьезно пострадали от насильственного экстремизма.

Хотя основной акцент ЛАГ делает на недопущение приобретения негосударственными акторами оружия массового уничтожения, организация также уделяет внимание факторам, подпитывающим нестабильность в регионе и действия террористов. Свидетельством этому служат выводы, озвученные на конференции «*Региональная безопасность и вызовы, стоящие перед Арабским регионом*», организованной ЛАГ в феврале 2015 года. В дополнение к акценту на «жесткие» меры, главным образом военные и законодательные (в том числе уголовное правосудие), на конференции была признана важность применения параллельно «более мягкого» многостороннего подхода. Например, признается необходимость того, чтобы «Арабские государства добились политического урегулирования конфликтов в регионе, в частности в Сирии, Ираке, Ливии и Йемене, а также других странах, охваченных гражданскими конфликтами. Параллельно этому, необходимо сконцентрировать усилия на борьбе с

терроризмом с целью ликвидировать его и противодействовать экстремизму (как интеллектуальному, так и религиозному) путем устранения его коренных причин и истощения ресурсов экстремистов». На конференции был принят ряд предложений в отношении будущих шагов, в том числе:

- «Коллективно противостоять угрозе со стороны терроризма и работать над ослаблением физической мощи (как военной, так и финансовой) террористических организаций и их способности оказывать влияние на общественное мнение и привлекать молодежь;
- Подчеркивать необходимость разработки широкого спектра социальной политики, с тем чтобы лишить террористов благоприятной почвы, которая обеспечивает защиту и охват;
- Участники конференции обратились с требованием к Генеральному секретариату Лиги арабских государств разработать комплексные стратегии борьбы с терроризмом в сотрудничестве с исследовательскими центрами (и) институтами стратегических исследований. Эти стратегии должны включать меры, направленные на расширение политического участия. Таким образом, такие меры будут способствовать созданию демократической системы, отвечающей принципам общего развития и социальной справедливости, а также содействовать вовлечению и взаимодействию с гражданским обществом в борьбе с насилием и экстремизмом;
- Такие механизмы должны сопровождаться кампанией по борьбе с идеологией, подпитывающей ненависть и насилие. Кампания в средствах массовой информации, которая осуждает террористические преступления и пропаганду религиозной, сектантской, этнической или региональной ненависти, должна реализовываться при одновременном поощрении свободы самовыражения. Более того, реформа образовательной системы и учебной программы необходима для обеспечения надежной базы, которая позволит предотвратить возникновение экстремистских идей, служащих идеологической основой терроризма.
- Участники ценят усилия «Аль-Азхар аш-Шариф» и других религиозных организаций в арабских и исламских странах, направленные на опровержение неверных толкований ислама. Эти организации играют важную роль в корректировке неверных представлений, пропагандируемых экстремистскими группами..... Возможными механизмами для достижения верного толкования ислама могут стать создание организации по борьбе с экстремистской идеологией и формулирование такого религиозного дискурса, который делает акцент на толерантности ислама, а также меры реагирования на ошибочные идеологии.
- Участники конференции считают, что Генеральный секретариат должен создать рабочий комитет, в который войдут представители всех сегментов общества, в частности организации гражданского общества в целях продвижения региональной безопасности и решения проблем в арабском регионе ...».

Как и в случае с ЛАГ, ОИС подходит к угрозам, создаваемыми экстремистским насилием, главным образом через призму безопасности и военной силы. Свидетельством этому служит резолюция No. 21/44-POL «О борьбе с терроризмом в странах Сахельско-Сахарского субрегиона», принятая на последней 44-ой сессии Совета иностранных министров (10-11 июля 2017 г.), которая «призывает государства-члены ОИС в рамках этой борьбы оказывать поддержку Сахельскому региону, в частности странам Сахельской группы пяти посредством, *помимо прочего*, укрепления потенциала сил обороны и безопасности, и обращается к ООН с просьбой предоставить МИНУСМА (Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали) широкий мандат по решению угроз терроризма и оказать

поддержку странам Сахельской группы пяти по созданию сил быстрого реагирования» (П. 2). Из этой резолюции видно, что приоритетными проблемами в регионе являются «наркоторговля, торговля людьми и захват заложников для получения выкупа в качестве основного источника финансирования деятельности террористических групп» (п. 1) – т.е. в первую очередь непосредственные угрозы и проблемы, а не причины, лежащие в основе этой деятельности.

В то время как ОИС затрагивает вопросы экстремизма, эта тема, как правило, прослеживается в контексте его внимания к проблеме неверного представления об исламской вере и ее привязке к «религиозному экстремизму» (см. например, Саммит ОИС, Стамбул, 2016 г., п. 99 и 110). В этой связи ОИС признает необходимость применения «более мягких» мер. Например, в ходе 13-ой сессии Саммита ОИС в 2016 году было «принято к сведению недавнее создание Лиги улемов, проповедников и имамов стран Сахельского региона в г. Адрар, Алжир, и выражена .... поддержка их роли и действий в борьбе с религиозным экстремизмом, который угрожает стабильности и безопасности в регионе, а также распространения исламских ценностей терпимости и диалога». (П. 110).

Что касается инициатив в области предупреждения и противодействия насильственному экстремизму, в более широком смысле они не настолько очевидны, как в случае других региональных организаций. Например, о них нет упоминания в некоторых главных документах, например Стамбульской декларации о единстве и солидарности в целях справедливости и мира, принятой на Саммите ОИС (с участием глав государств) в 2016 году. Документы Саммитов ОИС на уровне глав государств являются важными показателями текущих приоритетов ОИС.

В настоящее время ОИС не реализует инициатив, связанных с предупреждением и противодействием насильственному экстремизму. Так, например, необходимость предотвращения радикализации молодежи является частью совместной стратегии ОИС в отношении молодежи, которая была принята на полях Исламской конференции министров по делам молодежи и спорта в г. Баку, Азербайджан, 19 апреля 2018 года. В ней определяются четыре типа молодых людей, тяготеющих к насильственному экстремизму: *жаждущие места, ищущие идентичности, ищущие статуса и ищущие острых ощущений* (Форум конференции ОИС по вопросам диалога и сотрудничества, Исламская образовательная, научная и культурная организация, 2016, стр. 19 и стр. 18). В рабочем проекте стратегии признается необходимость:

«Поощрять межконфессиональный и межобщинный диалог, лишая террористические группы, такие как Даиш, РПК и тому подобные, возможности распространять подрывные идеологии на молодое поколение. В этой связи оказывать поддержку созданию **медиа-платформы для молодежи из всех стран ОИС**, в рамках которой молодые люди **будут иметь возможность конструктивного самовыражения**; повышения чувства активного гражданства, достижения настоящего понимания ислама как религии мира; противодействуя деструктивным насильственным идеологиям и реабилитируя тех, кто пострадал от экстремистской пропаганды» (стр. 31-32).

Касательно путей достижения этих задач в Стратегии отмечается, что «критически важно создать специальные программы как на правительственном, так и неправительственном уровне в сфере неформального образования и новые возможности социального продвижения, также как и в спорте, искусстве, творчестве и индустрии развлечений с тем, чтобы лишить радикальные группы возможности проникнуть в такие молодежные группы» (стр. 19). Эти рекомендации отражают более широкое признание ОИС

необходимости инвестировать «в будущее общества и то, каким образом привлечь молодежь стать влиятельным проводником в построении нации, достижения мира и конструктивной силой социально-экономического развития» (ОИС, Совет министров иностранных дел, 2017 г.). Это подразумевает решение образовательных, социально-экономических и связанных с гендером неравенств, все из которых могут быть движущими факторами насильственного экстремизма, как и обсуждалось ранее.

Примечательно, что начиная с 2006 года (ОИС, 2006 г.) ОИС принимает более активное участие в вопросах, связанных с расширением прав и возможностей женщин. Темпы этого процесса, по всей видимости, возросли в последнее время, что возможно отражает более широкие глобальные тенденции и инициативы, в том числе реализуемые под эгидой системы ООН. Например, в *Плане действий ОИС по улучшению положений женщин*, принятом в 2016 году (ОИС, 2016 г.), признается:

Для решения постоянно растущих проблем, с которыми сталкиваются государства-члены ОИС, необходимо обеспечить повышение статуса и положения женщин с тем, чтобы они могли эффективно участвовать в политической, экономической, культурной и социальной сферах жизни, способствуя тем самым достижению устойчивого мира, процветания и благополучия (П. 8).

Таким образом, ОИС осуществляет ряд мер по сокращению гендерного неравенства и обеспечению социальной справедливости «в соответствии с исламскими ценностями социальной справедливости и гендерного равенства» (П. 5). Хотя в новом Плане действий не делается конкретной ссылки на радикализацию, ведущую к насильственному экстремизму, этот вопрос может в более широком смысле входить в его рамки.

Глобальный контртеррористический форум (ГКТФ)

[Глобальный контртеррористический форум](#), (ГКТФ), это межправительственный орган, учрежденный в 2011 году и состоящий из 29 государств-членов и ЕС. Он выполняет роль форума политического диалога, объединяющего экспертов и специалистов-практиков с целью обмена знаниями и опытом в отношении подходов к борьбе с насильственным экстремизмом и терроризмом. В рамках своих рабочих групп орган разрабатывает и поощряет применение меморандумов, не имеющих обязательной силы, о передовой практике государствами-членами и государствами, не являющимися его членами. Ряд меморандумов касается вопросов, связанных с предотвращением или борьбой с насильственным экстремизмом, посредством мер уголовного правосудия. Некоторые примеры соответствующих меморандумов ГКТФ приведены ниже.

Марракешский меморандум о передовых методах более эффективного реагирования на проблему иностранных боевиков-террористов *

В ответ на распространение явления «иностраных боевиков-террористов» Глобальный контртеррористический форум (ГКТФ) в рамках серии экспертных заседаний в 2014 году разработал данный меморандум о передовой практике. Как инструмент «мягкого права», он служит полезным ориентиром, в том числе с точки зрения согласования общих подходов и содействия более эффективному международному сотрудничеству в целях реагирования. Эти примеры передовой практики «отмечаются» в резолюции Совета безопасности 2178 (Преамбула).

Примеры передовой практики:

А. Обнаружение и интервенция для противодействия насильственному экстремизму

Передовая практика #1 – Инвестировать в долгосрочное развитие доверительных отношений с общинами, подверженными вербовке, учитывая более широкий круг проблем и забот, затрагивающих общину.

Передовая практика #2 – Разработать широкий спектр активных, позитивных контрнарративов и альтернативных мероприятий, предлагая ненасильственные, продуктивные альтернативы для помощи нуждающимся, а также способы выражать разочарование, гнев и озабоченность, не прибегая к насилию.

Передовая практика #3 – Объединить возможности социальных сетей, экспертов-аналитиков, новаторов в области технологий для разработки убедительного контрпропагандистского контента.

Передовая практика #4 – Расширить возможности тех, кто лучше всего может содействовать переменам, в том числе молодежь, семьи, женщины и гражданское общество для того, чтобы они активно участвовали и принимали на себя ответственность за разработку и передачу позитивных нарративов в повестку насильственного экстремизма.

Передовая практика #5 – Предотвращать отождествление феномена ИБТ или насильственного экстремизма с каким-либо регионом, культурой, этнической группой, национальностью или расой.

в. Предотвращение, обнаружение и интервенция с целью предупреждения вербовки и содействия

Передовая практика #6 – Работа с сообществами по информированию об угрозах ИБТ и повышению устойчивости к пропаганде насильственного экстремизма.

Передовая практика #7 – Собирать и объединять подробную информацию, получаемую от правительственных учреждений, сотрудников на местах, сообществ и социальных сетей для обнаружения фактов вербовки и содействия, уважая при этом принципы верховенства права и прав человека.

Передовая практика #8 – Объединить ресурсы, обмениваться информацией и сотрудничать с частным сектором для борьбы с онлайн-вербовкой ИБТ.

Передовая практика #9 – Внедрить индивидуальные и целенаправленные подходы к мерам реагирования в противодействии насильственному экстремизму в отношении радикализации и вербовки на основе конкретных мотивационных факторов и целевой аудитории.

с. Обнаружение и интервенция с целью предупреждения поездок и боевых действий

Передовая практика #10 – Повысить обмен местной общественной, правоохранительной и разведывательной информацией и аналитическими материалами и соответствующей передовой практикой посредством двусторонних отношений и многосторонних форумов для предотвращения передвижений ИБТ.

Передовая практика #11 – Разработать и внедрить надлежащие правовые режимы и административные процедуры с целью эффективного привлечения к ответственности и смягчения рисков, обусловленных действиями ИБТ.

Передовая практика #12 – Применять соответствующие меры по скринингу с целью помешать перемещению ИБТ, уделяя особое внимание воздушным перелетам.

Передовая практика #13 – Использовать все имеющихся инструменты для предотвращения неправомерного использования проездных документов для перемещений ИБТ.

Передовая практика #14 – Повышать потенциал государств по предотвращению перемещений ИБТ через сухопутные границы, и в более широком смысле, принимать соответствующие меры, чтобы не дать возможность ИБТ планировать или готовить террористические акты на своей территории, которые осуществляются внутри страны или за ее пределами.

D. Обнаружение и интервенция по возвращению

Передовая практика #15 – Использовать по возможности максимальный спектр источников информации для прогнозирования и обнаружения возвращенцев.

Передовая практика #16 – Разработать и использовать основанные на фактических данных, индивидуального уровня системы оценки рисков возвращенцев, оценить их состояние и создать должные механизмы взаимодействия.

Передовая практика #17 – Укрепить расследования и судебное преследование в отношении ИБТ в случае необходимости посредством повышения обмена информацией и сбора доказательств.

Передовая практика #18 – Подготовить и проводить учения по реагированию на различные террористические атаки, для совершения которых ИБТ могут иметь специальные навыки.

* Глобальный Контртеррористический форум (2014). [«Инициатива «Иностранные боевики-террористы \(ИБТ\)». Гаагско-Марракешский меморандум о передовых методах более эффективного реагирования на проблему иностранных боевиков-террористов.](#)

Упражнения и тематические исследования (кейсы)

Данный раздел содержит предложения по аудиторным или подготовительным учебным упражнениям, в то время как задание для выполнения после занятия, предназначенное для оценки понимания учащихся, предложено в отдельном разделе.

Упражнения в этом разделе лучше всего подходят для групп до 50 учащихся, которых можно легко разделить на небольшие группы для обсуждения примеров или проведения работы перед тем, как представители группы представят ее результаты всей аудитории. Несмотря на то, что можно иметь такую же структуру из небольших групп в большой аудитории, состоящей из нескольких сотен учащихся, это более сложно, и лектор, возможно, пожелает адаптировать методы работы с группами, обеспечив достаточное время для групповых обсуждений и представления обратной связи всей аудитории. Самый простой способ провести обсуждения в небольших группах в большой аудитории - попросить учащихся обсудить вопросы с четырьмя или пятью учащимися, сидящими рядом с ними. Учитывая ограничение по времени, не все группы смогут предоставить обратную связь в каждом упражнении. Лектору рекомендуется делать произвольный выбор и пытаться предоставить возможность обратной связи хотя бы один раз за время занятия всем группам. Если время позволяет, лектор может провести общее обсуждение после представления каждой группой обратной связи.

Все упражнения в этом разделе подходят как для студентов магистратуры, так и бакалавриата. Однако, поскольку знания учащихся перед началом обучения и то, насколько они сталкивались с ними, сильно отличаются, решения о целесообразности упражнений должны основываться на их образовательном и социальном контексте.

Упражнение 1: Введение в предупреждение насильственного экстремизма

Посмотрите первый видеоролик и хотя бы еще один.

- ОБСЕ, [«Мы можем предотвратить, мы можем побороть»](#) (23 июня 2016 г.).
- Совет Европы, [«Подкаст: Профессор Тахир Аббас – становление джихадиста \(террориста\)»](#) (1 июля 2015).
- Совет Европы, [«Интервью с Вивиан Герен; Руководство по предотвращению радикализации в тюрьмах»](#) (12 февраля 2016).

Затем разделите класс в зависимости от его численности на небольшие группы для обсуждения некоторых вопросов:

- Сравнить и сопоставить различные высказывания по крайней мере из двух видеороликов.
- Какие вопросы заинтересовали учащихся?
- На основе обсуждавшихся тем какой подход (подходы) учащиеся считают наиболее эффективным для борьбы с распространением насильственного экстремизма?

Упражнение 2: Туннель (см. Методическое пособие)

Сформулировать 3 - 5 пунктов (в зависимости от численности класса), каждый из которых посвящен одному из основных драйверов экстремизма, вокруг которых сформирована повестка дня в области насильственного экстремизма Генерального Секретаря ООН 2015:

- (1) Отсутствие социально-экономических возможностей
- (2) Маргинализация и дискриминация
- (3) Неэффективное управление, нарушения прав человека и принципа верховенства права
- (4) Затянувшиеся и неразрешенные конфликты
- (5) Радикализация в тюрьмах

В рамках каждого пункта необходимо изучить два вопроса с точки зрения конкретного фактора, который определяет его (например, отсутствие социально-экономических возможностей):

- (1) Определить конкретные примеры условий, имеющих отношение к данному драйверу, способствующему насильственному экстремизму.
- (2) Какие существуют принципиальные пути борьбы с данным драйвером насильственного экстремизма?

Кейс 1: Возвращение иностранного боевика-террориста

Известно, что женщина, имеющая гражданство вашей страны, совершала поездки в зоны конфликтов. Разведывательные данные, полученные с ее страниц в социальных сетях и из истории просмотра страниц в Интернете, указывают на то, что она замужем за боевиком, при этом данных, свидетельствующих об ее непосредственном участии в террористических операциях или каких-либо боевых действиях, нет. В ходе бесед с близкими родственниками выяснилась их полная непричастность, и их общее впечатление - «шок и тревога» от того, что такая умная, добрая и дружелюбная молодая женщина с многообещающим будущим могла выбрать такой путь.

Менее года назад женщина родила первого ребенка и в настоящее время находится на третьем месяце беременности вторым ребенком. Супруг разместил в социальной сети фотографии со своим новорожденным сыном рядом с автоматом с комментарием «новое дитя вооруженной борьбы».

Недавно было получено подтверждение, что супруг женщины, отец двоих детей был убит в ходе боевых действий. Женщина после этого возобновила контакт со своей семьей и сообщила, что хочет «вернуться домой», и что она «раньше была загнана в угол» и «не могла сбежать, была очень напугана, но другого выхода не было». Она сообщила, что видела, как другие женщины попытались сбежать и были убиты. Она сообщила, что готова общаться с властями.

Следующие вопросы служат в качестве руководства для разработки и (или) реализации стратегии и планов по П/ПНЭ при рассмотрении соответствующих мер реагирования на изложенный выше сценарий:

- a. Каков статус двух детей с точки зрения их гражданства?
- b. Какие варианты существуют для их возвращения?
- c. Если она вернется, как вы узнаете об этом?
- d. Будет ли это зависеть от способа ее передвижения?
- e. Что произойдет сразу после ее прибытия?
- f. Будут ли несовершеннолетние дети помещены под «опеку с целью защиты»?
- g. Какие преступления могла совершить эта женщина?
- h. Какие ресурсы или помощь необходимо обеспечить?
- i. Кто должен быть незамедлительно извещен о ее прибытии? Кто еще должен узнать об этом в конечном итоге?

Кейс 2:

Девушка, радикализованная через онлайн общение с террористом-вербовщиком, была остановлена властями на границе недалеко от зоны известной террористической деятельности и отправлена назад в свою страну происхождения. Среди факторов, «способствующих» ее радикализации, было жестокое обращение со стороны членов семьи, из-за которых она не хотела возвращаться.

- Каковы должны быть методы работы властей в отношении этой девушки после ее возвращения в страну происхождения?
- Какие типы мер должны быть предприняты для оказания ей и ее семье поддержки (например, поиск альтернативного жилья, специальные договоренности, которые позволят общаться и лично встречаться с близкими)

- родственниками и друзьями, хранение этой информации в секрете от членов семьи, проявивших жестокое обращение)?
- Какие факторы должны учитывать власти при принятии решений в этой ситуации?

Возможная структура занятий

Этот раздел содержит рекомендации по последовательности обучения и времени, необходимого для достижения результатов обучения путем проведения трехчасового занятия. Лектор может пожелать пропустить или сократить некоторые разделы, чтобы выделить больше времени на другие элементы, включая введение, комментарии, помогающие завязать разговор, заключение или короткие перерывы. Структура также может быть адаптирована для более коротких или длительных занятий, учитывая, что продолжительность занятий в разных странах отличается.

- 0 - 10 мин Краткое представление вопроса, результатов обучения по итогам сессии и ее структуры.
- 10 - 50 мин Обсуждение ключевой концепции. *Упражнение 1: Введение в предупреждение насильственного экстремизма.*
- 50 - 55 мин Перерыв.
- 55 - 95 мин Обсуждение драйверов насильственного экстремизма. *Просмотр видеоролика 1: «Мотивационные факторы вербовки и последующая утрата иллюзий иностранными боевиками, примкнувшими к Исламскому государству» и/или видеоролика 2: «Предупреждение радикализации в тюрьмах».* (Видео доступны в [Дополнительных учебных инструментах](#))
- 95 -110 мин Обсуждение рамочной основы ООН по ВЭ.
- 110 - 115 мин Перерыв.
- 115 - 145 мин Обсуждение региональных подходов к насильственному экстремизму (например, что является наиболее уместным в географическом плане с элементами сравнения).
- 145 - 175 мин *Упражнение 2: Туннель.*
- 175 - 180 мин В случае необходимости представление вопросов оценки с соответствующими критериями оценивания.

Основная литература

В данном разделе представлен список материалов, имеющих в свободном доступе, которые лектор может попросить учащихся прочитать перед проведением занятия по данному модулю.

- Программа развития ООН (ПРООН) (2016). [*Preventing Violent Extremism through Inclusive Development, Tolerance and Respect for Diversity: A development approach to counter Violent Extremism*](#). New York. (Предотвращение насильственного экстремизма посредством инклюзивного развития, терпимости и уважения разнообразия: Подход, основанный на развитии, к борьбе с насильственным экстремизмом)
- Генеральная Ассамблея ООН, Совет по правам человека (2016). [*Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism*](#). 29 April. A/HRC/31/65. (Доклад Специального докладчика по вопросам поощрения и защиты прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом)
- Генеральная Ассамблея ООН, Совет по правам человека (2016). [*Negative effects of terrorism on the enjoyment of all human rights and fundamental freedoms, Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights*](#). 30 December. A/HRC/34/30. (Негативные последствия терроризма для осуществления всех прав человека и основных свобод, доклад Верховного комиссара ООН по правам человека)
- Генеральная Ассамблея ООН (2015). [*Plan of Action to Prevent Violent Extremism: Report of the Secretary-General*](#). 24 December. A/70/674. (План действий по предупреждению воинствующего экстремизма: Доклад Генерального секретаря)
- Контртеррористический комитет Совета Безопасности (2015). [*CTC Special Meeting: Preventing Terrorists From Exploiting the Internet And Social Media To Recruit Terrorist And Incite Terrorist Acts, While Respecting Human Rights And Fundamental Freedoms*](#). 16–17 December. (Специальное заседание КТК: Недопущение использования террористами интернета и социальных сетей для вербовки террористов и подстрекательства к террористическим актам, при полном уважении прав человека и основных свобод)
- Глобальный контртеррористический форум (ГКТФ). [*Initiative to Address the Life Cycle of Radicalization to Violence*](#). Numerous relevant documents. (Инициатива по реагированию на жизненный цикл насильственной радикализации)
- ГКТФ. [*Initiative to Address the Life Cycle of Radicalization to Violence: Addendum to The Hague-Marrakech Memorandum on Good Practices for a More Effective Response to the FTF Phenomenon, with a focus on Returning FTFs*](#). (Инициатива по реагированию на жизненный цикл насильственной радикализации: Гаагско-Марракешский меморандум о передовой практике в целях более эффективного реагирования на феномен ИБТ, уделяя особое внимание возвращающимся ИБТ)
- Kundnani, Arun (2015). [*A Decade Lost: Rethinking Extremism and Radicalisation*](#). London, Claystone. («Потерянное десятилетие: Переосмысление экстремизма и радикализации»)
- Romaniuk, Peter (2015). [*Does CVE Work? Lessons Learned from the Global Effort to Counter Violent Extremism*](#). Goshen, Indiana, Global Center on Cooperative Security. («Работает ли ПНЭ? Уроки, извлеченные из глобальных усилий по борьбе с насильственным экстремизмом»)
- Ikejiaku, Brian-Vincent (2009). [*“The Relationship between Poverty, Conflict and Development.”*](#) *Journal of Sustainable Development*, vol. 2, no. 1. («Взаимосвязь между бедностью, конфликтами и развитием»)

Дополнительная литература

Данный раздел содержит рекомендуемую дополнительную литературу для учащихся, заинтересованных в изучении вопроса (-ов) Модуля более подробно, а также для лекторов, обучающихся по Модулю.

- Контртеррористический центр Организации Объединенных Наций, (2017). [*Enhancing the Understanding of the Foreign Terrorist Fighters Phenomenon in Syria*](#). July (Усиленное понимание феномена иностранных боевиков-террористов в Сирии)
- Генеральная Ассамблея ООН, Совет по правам человека (2015). [*Resolution adopted by the Human Rights Council on 2 October 2015: Human rights and preventing and countering Violent Extremism*](#). 12 October. A/HRC/RES/30/15. (Резолюция, принятая Советом по правам человека 2 октября 2015 года: Права человека и предупреждение и противодействие насильственному экстремизму)
- Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) (2016). [*Handbook on the Management of Violent Extremist Prisoners*](#). Criminal Justice Handbook Series. Vienna. (Справочник по работе с заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации в тюрьмах)
- ПРООН, ЕС (2014). [*Supporting Insider Mediation: Strengthening Resilience to Conflict and Turbulance*](#). New York, and Brussels. (Поддержка инсайдерской медиации: Укрепление устойчивости к конфликтам и нестабильности)
- ПРООН (2014). [*UNDP Guidelines on Engaging with Faith-based Organisations and Religious Leaders*](#). New York. (Руководство ПРООН по взаимодействию с религиозными организациями и религиозными лидерами)
- What's in Blue (2017). "[*Foreign Terrorist Fighters: Resolution*](#)." 20 December. (Regarding a follow up to [*resolution 2178*](#) on FTFs, adopted on 24 September 2014). («Иностранные боевики-террористы: Резолюция»)
- Heydemann, Steven (2014). "[*Countering Violent Extremism as a Field of Practice*](#)." *United States Institute of Peace Insights*, no. 1. («Противодействие насильственному экстремизму как область практики»)
- Laqueur, Walter (1996). "[*Postmodern Terrorism: New Rules for an Old Game*](#)." *Foreign Affairs*, September/October. («Постмодернистский терроризм: Новые правила старой игры»)
- Botha, Anneli (2015). "[*Radicalisation to Terrorism in Kenya and Uganda: a Political Socialisation Perspective*](#)." *Perspectives on Terrorism* [online], vol. 9, no. 5. («Радикализация, ведущая к терроризму, в Кении и Уганде: Перспектива политической социализации»)
- Sageman, Marc (2014). «[*The stagnation in terrorism research, terrorism and political violence*](#)." *Terrorism and Political Violence*, vol. 26, no. 4, pp. 565-580. («Стагнация в исследовании терроризма, террористического и политического насилия»)
- Patel, Faiza (2011). *Rethinking Radicalization*. New York: Brennan Center for Justice. («Переосмысление радикализации»)
- Davies, Lynn, Zubeda Limbada, Laura Zahra McDonald, Basia Spalek, and Doug Weeks. (2015). [*Formers and Families: Transitional Journeys In and Out of Violent Extremism in the UK*](#). ConnectJustice. («Бывшие экстремисты и семьи: транзитный путь входа и выхода из насильственного экстремизма в Соединенном Королевстве»)
- Агентство международного развития США (ЮСАИД) (2011). "[*The Development Response to Violent Extremism and Insurgency: Putting Principles into Practice*](#)." *USAID Policy*, September. (Меры реагирования в области развития на насильственный экстремизм и повстанческие движения: Использование принципов на практике)

- Downey, Greg (2015). "[Scott Atran on Youth, Violent Extremism and Promoting Peace.](#)" *PLOS BLOGS, ARTIS Research and Risk Modeling*. («Скотт Атран о молодежи, насильственном экстремизме и продвижении мира»)
- McCants, Will, and Clinton Watts (2012). "[Violent Extremism: An Assessment.](#)" *Foreign Policy Research Institute E-Notes*, December. («Насильственный экстремизм: Оценка»)
- Travis, Alan (2017). "[Only 5% of people referred to Prevent extremism scheme get specialist help.](#)" *The Guardian*, 9 November. («Только 5% людей, обратившихся в программу по предупреждению экстремизма Prevent, получили помощь специалистов»)
- Walklate, Sara, and Gabe Mythen (2015). "Managing Terrorism: From Risk to Resilience?" In Gabe Mythen and Sandra Walklate, *Contradictions of Terrorism: Security, Risk and Resilience*. Охон: Routledge. («Управление терроризмом: От риска к сопротивлению?»)
- Mythen, Gabe, Sandra Walklate, and Fatima Khan (2012). "[Why Should We Have to Prove We're Alright?: Counter-terrorism, Risk and Partial Securities.](#)" *British Sociological Association, Sociology*, vol. 47, issue 2, pp. 383-398. («Почему нам приходится доказывать, что с нами все в порядке?: Контртерроризм, риск и частичная безопасность»)
- Walsh, James P. (2017). "[Moral panics by design: The case of Terrorism.](#)" *Current Sociology*, vol. 65, issue 5, pp. 643-662. («Моральная паника: Пример терроризма»)
- Aradau, Claudia, and Rens van Munster (2007). "[Governing Terrorism through Risk: Taking Precautions, \(un\)Knowing the Future.](#)" *European Journal of International Relations*, vol. 13, issue 1, pp. 89-115. («Управление терроризмом через риск: принимая меры безопасности, (не) зная о будущем»)
- Mythen, Gabe (2017). "[Thinking with Ulrich Beck: security, terrorism and transformation.](#)" *Journal of Risk Research*, vol. 21, issue 1, pp. 17-28. («Размышления с Ульрихом Бекком: безопасность, терроризм и трансформация»)
- Savitch, Hank V. (2008). *Cities in a Time of Terror: Space, Territory, and Local Resilience*. New York: Routledge. («Города во время террора: Пространство, территория и местное сопротивление»)
- Roach, Kent (2015). "Thematic Conclusions and Future Challenges." In Kent Roach ed. *Comparative Counter-Terrorism Law*, Cambridge University Press. Pp. 683-777. («Тематические заключения и будущие вызовы»)
- King, Michael, and Donald M. Taylor (2011). "[The Radicalization of Homegrown Jihadist: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence.](#)" *Terrorism and Political Violence*, vol. 23, issue 4, pp. 602-622. («Радикализация доморожденного джихадиста: Обзор теоретических моделей и социальных психологических доказательств»)
- Neumann, Peter R. ed. (2015). *Radicalization, Major Works Collection, Vol. 1: Models and Theories*. London and New York: Routledge. («Радикализация, сборник основных работ. Том 1: Модели и теории»)
- Singh, Bilveer (2011). "Why Successful Counter-Terrorism Can Beget More Terrorism? Indonesia Since the 2002 Bali Bombings. Southeast Asia Regional Centre for Counter-Terrorism (SEARCCT)." *SEARCCT's Selection of Articles*, vol. 2, pp. 1-16. («Почему успешная контртеррористическая деятельность может породить еще более активный терроризм? Индонезия после взрывов в Бали в 2002 г.»)
- [Letter from the American Civil Liberties Union](#) (24 December 2015) addressed to the Special Rapporteur, on file, and letter (18 December 2014) from the American Civil Liberties Union addressed to Lisa Monaco, Assistant to the President for Homeland Security and National Deputy Security Adviser. («Письмо от Американского Совета по гражданским свободам»)
- Aziz, Sahar, F. (2017). "[Losing the 'War of Ideas': A Critique of Countering Violent Extremism Programs.](#)" *Texas A&M University School of Law Legal Studies Research Paper No. 17-22*.

(«Проигранная «война идей»: Критика программ борьбы с насильственным экстремизмом»)

Sahar F. Aziz (2011/12). "Caught in a Preventive Dragnet: Selective Counterterrorism in a Post-9/11 America." *Gonzaga Law Review*, vol. 47, p. 429. («Задержанные в ходе профилактических облав: избирательный контртерроризм в Америке после 11 сентября»)

Prelis, Lakshitha Saji (2016). "[UNDP Global Meeting on Preventing Violent Extremism & Promoting Inclusive Development, Tolerance & Diversity.](#)" Presentation by Search for Common Ground and Co-Chair of Inter-Agency Working Group on Youth and Peacebuilding, 14-16 March 2016, Oslo, Norway. («Глобальная встреча ПРООН по вопросам предотвращения насильственного экстремизма и продвижения инклюзивного развития, толерантности и разнообразия»)

Оценка учащихся

В данном разделе представлены предложения по заданиям для учащихся после занятия с целью оценки понимания ими модуля. Предложения по заданиям до и во время занятия представлены в разделе «Упражнения»

Для оценки понимания учащимися модуля предлагаются следующая оценка (оценки) после занятия:

Вопросы для оценки

- Объясните, каковы основные различия между «путями к радикализации» и «факторами насильственного экстремизма», и почему важно проводить различие между ними в целях усилий по П/ПНЭ.
- Какой из пяти факторов насильственного экстремизма, определенных в Плане действий по предупреждению воинствующего экстремизма Генерального секретаря ООН, по вашему мнению, является самым важным, и почему?
- Критически оцените, по крайней мере, один из пяти факторов, определенных в Плане действий по предупреждению воинствующего экстремизма Генерального секретаря ООН, с точки зрения его основных причин и связанных усилий по их устранению в вашем национальном и (или) региональном контексте.
- Сравните и сопоставьте различные подходы региональных организаций к вопросам П/ПНЭ. Какие причины могут объяснить различия в региональных приоритетах и подходах?
- Критически оцените текущие усилия по П/ПНЭ (на международном, региональном и (или) национальном уровнях) в отношении молодежи, в том числе их сильные и слабые стороны. Каким образом эти усилия могут быть усилены?
- Объясните, почему подходы к П/ПНЭ, обеспечивающие больший учет гендерных аспектов, считаются важными и какую уникальную роль могут играть женщины в этом вопросе.
- Рассмотрите, каким образом реализация целей Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года формирует важный неотъемлемый аспект усилий в области П/ПНЭ.

Дополнительные учебные инструменты

В данном разделе приведены ссылки на соответствующие средства обучения, такие как слайды в формате PowerPoint, видеоматериалы, кейсы и другие ресурсы, которые могут помочь лектору обучать студентов по данному Модулю. Слайды и другие ресурсы могут быть адаптированы лектором.

Презентация в формате PowerPoint

- Презентация по Модулю 2: Условия, способствующие распространению терроризма

Видеоматериал

Видео 1: «Мотивационные факторы вербовки и последующая утрата иллюзий иностранными боевиками, примкнувшими к Исламскому государству»

Мотивационные факторы иностранных боевиков, вступающих в ряды террористических организаций, как например ИГИЛ, могут быть сложными и многогранными. Очевидно, что многие из этих боевиков утрачивают иллюзии из-за реальностей их нового положения, когда они понимают зачастую слишком поздно, что стали жертвами эффективной, но вводящей в заблуждение пропагандистской машины террористической вербовки. (UN News (2017). [Syria: UN study finds foreign fighters return 'disillusioned' by groups they joined](#). 4 August. («Сирия: Исследование ООН показывает, что иностранные боевики возвращаются «разочарованные» группировкой, в которую они вступили»)). Посмотрите некоторые или все краткие видеоролики, демонстрирующие разные мнения:

- RT America, “[Inside the mind of ISIS: RT speaks with captured militants 2015](#)” (8 June 2015). («Внутри мышления ИГИЛ: RT разговаривает с задержанными боевиками, 2015 г.»)
- Channel 4 News, “[British women joining jihad in Syria](#)” (23 July 2013). («Британские женщины, присоединившиеся к джихаду в Сирии»)

Видео 2: Предупреждение радикализации в тюрьмах

- Совет Европы, “[Interview with Vivian Geiran; Guidelines to prevent radicalisation in prisons](#)” (12 February 2016). («Интервью с Вивиан Герен; Руководство по предупреждению радикализации в тюрьмах»)

Инструменты

Предупреждение и противодействие насильственному экстремизму

Риски терроризма, в том числе коренные причины и проявления насильственного экстремизма, хотя и имеют некоторые общие характеристики и факторы, могут существенно варьироваться в зависимости от (суб)региона. Таким образом, важно применять не «универсальный» подход, а обеспечить должную адаптацию общих принципов и факторов к конкретному контексту. В этой связи, полезным инструментом может стать Глобальный обзор реализации резолюции Совета Безопасности 1373 (2001), в которой кратко излагаются основные угрозы, тенденции и другие вопросы в (суб)регионах [Африки, Азии, Латинской Америки, Европы и Северной Америки](#).

Африканские региональные инициативы в области противодействия насильственному экстремизму

- Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС). [Политическая декларация ЭКОВАС и единая позиция в борьбе с терроризмом](#)
- Африканский совет мира и безопасности (последнее обновление 21 ноября 2017 г.). [«728 заседание Африканского совета мира и безопасности: открытая сессия на тему: «Роль женщин в предотвращении и борьбе с насильственным экстремизмом в Африке»](#).
- Африканский совет мира и безопасности (последнее обновление 14 февраля 2018 г.). [«Коммюнике 749 заседания Африканского совета мира и безопасности на уровне глав государств и правительств на тему: На пути к комплексному подходу в борьбе с транснациональной угрозой терроризма в Африке»](#).
- Африканский совет мира и безопасности (последнее обновление 2 февраля 2017 г.). [«Коммюнике 650 заседания Совета по миру и безопасности: Брифинг КСРБА по последним международным событиям в борьбе с терроризмом и его последствиями в Африке»](#).

Ближний Восток и регион Персидского залива – региональные инициативы в области противодействия насильственному экстремизму

- ЛАГ (2015). Доклад Лиги арабских государств: [«Региональная безопасность и вызовы, стоящие перед арабским регионом», Лига арабских государств, февраль 2015 г.»](#).
- ОИС, Совет министров иностранных дел (2017). [Доклад 44 сессии Совета министров иностранных дел \(Сессия, посвященная молодежи, миру и развитию в мире солидарности\)](#). 10-11 июля. Абиджан, Республика Кот-д'Ивуар. OIC/44-CFM/2017/REPORT/FINAL.
- Конференция по диалогу и сотрудничеству, Исламская образовательная, научная и культурная организация (2016). [Совместная стратегия ОИС по молодежи](#). DRAFT. ICYF-DC/ICYSM-3/2016/01/Rev.1.

- ОИС (2016). [План действий по улучшению положения женщин](#). Принят на 6 сессии Конференции на уровне министров на тему роли женщин в развитии государств-членов ОИС. 1-3 ноября. Стамбул, Турция.

[Пометка: Не представлялось возможным изучить все материалы ЛАГ из-за их доступности только на арабском языке. Возможно, имеют место и другие инициативы и материалы].

Азиатские региональные инициативы в области противодействия насильственному экстремизму

- ШОС, [Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества](#) (Астана, 9 июня 2017 г.).
- Yakovenko, Alexander (2017). [SCO sets standards for countering extremism](#). RT, 7 September. («ШОС устанавливает стандарты противодействия экстремизму»)
- ШОС (2017). [Пресс-релиз по результатам встречи глав государств-членов ШОС](#). 9 июня.
- ШОС, [Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом](#) (принятая 15 июня 2001 г.).
- Секретариат АСЕАН (2015). [Заявление председателя специального совещания на уровне министров стран-членов АСЕАН по вопросу роста радикализации и насильственного экстремизма](#), Куала-Лумпур, Малайзия, 2 октября 2015 г. *ASEAN Document Series 2015*.
- Восточноазиатский Саммит (2015). [Заявление Восточноазиатского саммита по вопросу борьбы с насильственным экстремизмом](#). 21 ноября.
- АСЕАН (2017). [Совместная декларация министров обороны государств-членов АСЕАН о партнерстве в целях изменений и взаимодействия в мире](#). 23 октября.
- Министерство иностранных дел (Республика Казахстан) (2015 г.). [Конференция стран Центральной и Юго-Восточной Азии по борьбе с насильственным экстремизмом \(БНЭ\)](#).
- Региональный центр Юго-Восточной Азии по борьбе с терроризмом (РЦЮВАБТ) (2012). [Youth and Terrorism: A Selection of Articles](#). Kuala Lumpur. («Молодежь и терроризм: Подборка статей»)
- Samuel, Thomas, K (2011). [The Lure of Youth into Terrorism](#). In *SEARCCT's Selection of Articles*, vol. 2. Southeast Asia Regional Centre for Counter-Terrorism (SEARCCT). Kuala Lumpur. («Привлекательность терроризма для молодежи»)

Межамериканские региональные инициативы в области противодействия насильственному экстремизму

На сегодняшний день ОАГ по всей видимости не были приняты конкретные инструменты или инициативы, направленные на предупреждение или противодействие насильственному экстремизму. Возможно, эти вопросы попадают под более широкое определение концепции «предупреждения, противодействия и ликвидации» терроризма, формирующей основу материалов Генеральной Ассамблеи ОАГ и СИКТЕ, например:

- СИКТЕ (2008). [Декларация: Подтверждение обязательства стран Западного полушария в борьбе с терроризмом](#) (Принята на 5 пленарной сессии 7 марта, 2008 г.). 7 March. OEA/Ser.L/X.2.8. п. 5.
- СИКТЕ (2011). [Декларация о возобновлении обязательства стран Западного полушария по укреплению сотрудничества в вопросах предотвращения, борьбы и ликвидации терроризма](#) (Принята на 3 пленарной сессии 17 марта 2011 г. 21 March. OEA/Ser.L/X.2.11. CISTE/DEC.1/11.

См. национальные инициативы, например:

- Госдепартамент США и ЮСАИД (2016). [Совместная стратегия противодействия насильственному экстремизму](#).
- Миссия Бюро контртерроризма и противодействия насильственному экстремизму, Госдепартамент США, «заключается в содействии национальной безопасности США, играя ведущую роль в разработке скоординированной стратегии и подходов к борьбе с терроризмом за рубежом и обеспечении контртеррористического сотрудничества с международными партнерами». Больше ресурсов доступно по [ссылке](#).

Европейские региональные инициативы в области предупреждения насильственного экстремизма

Организация безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ)

- ОБСЕ (2015). [Работа с молодежью в интересах молодежи: Защита от радикализации](#). 3 сентября. Белград.
- Neumann, Peter, R., ОБСЕ (2017). [Countering Violent Extremism and Radicalisation that Lead to Terrorism: Ideas, Recommendations, and Good Practices from the OSCE Region](#). ОБСЕ. («Противодействие насильственному экстремизму и радикализации, ведущей к терроризму: Идеи, рекомендации и передовая практика из региона ОБСЕ»). В настоящем отчете приведены 22 тематических исследования (кейсов) передовой практики в следующих программных областях: национальные планы действий; тюрьмы; работа полиции; молодежь; образование; религия; интернет; женщины; беженцы; меры по поддержке/интервенции; и возвращенцы.
- ОБСЕ (2017). [Фактологический бюллетень: Департамент транснациональных угроз: Отдел по борьбе с терроризмом](#). Отдел по противодействию терроризму.
- ОБСЕ (2017). [ОБСЕ объединила усилия в борьбе с насильственным экстремизмом: Кампания #UnitedCVE. Брошюра ОБСЕ](#).
- ОБСЕ, Секретариат ОБСЕ (2017). [Молодежь и предотвращение насильственного экстремизма: Семинар по перспективам из региона Западных Балкан](#). 23-25 апреля. Сараево.
- ОБСЕ, Совет министров (2015). [Декларация совета министров о предотвращении и борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму](#). 4 декабря. МС.ДОС/4/15.
- ОБСЕ, БДИПЧ (2013). [Женщины и радикализация в террористических целях: Заключительный отчет](#). Вена.

Совет Европы

- Совет Европы (2016). [Руководство Совета Европы для служб пенитенциарных учреждений и пробации в отношении радикализации и насильственного экстремизма](#). PC-CP (2016) 2 rev 4.
- Совет Европы, Европейский Союз (2017). [Работа молодежи в области предупреждения насильственной радикализации: Конференция](#). 28-30 ноября. Мальта.
- [Совет Европы, Европейский Союз. Молодежное партнерство](#).
- Программа молодежного сотрудничества Центра Север-Юг Совета Европы. См. Совет Европы (2018). [Отдел новостей: работа с молодежью и ради молодежи по вопросам мира и развития](#). 5 февраля.

Европейский Союз (ЕС)

- Европейский Союз, Европейский Совет (2017). [Проект пересмотренных руководящих принципов для стратегии ЕС по борьбе с радикализацией и вербовкой](#). 24 мая. Брюссель. 9646/17.
- Европейский Союз, Европейский Парламент (2016). [Резолюция Европейского Парламента от 19 января 2016 года о роли межкультурного диалога, культурного разнообразия и образования в продвижении основных ценностей ЕС](#). 19 января. 2015/2139(INI).
- Европейский Союз, Европейская Комиссия (2015). [Сообщение Комиссии для Европейского парламента, Совета, Европейского экономического и социального комитета и Комитета регионов: Европейская повестка дня в области безопасности](#). 28 апреля. Страсбург. COM (2015) 185 final.
- Европейский Союз, Европейский Парламент (2015). [Резолюция Европейского Парламента от 25 ноября 2015 г. о предотвращении радикализации и вербовки европейских граждан террористическими организациями](#). 25 ноября. 2015/2063(INI).
- Европейский Союз, Европейский Совет (2015). [Результаты заседания Совета: 3367 заседание Совета: Иностранные дела](#). Брюссель. 9 февраля. Борьба с терроризмом.
- Европейский Союз, Европейская Комиссия (2014). [Сообщение Комиссии для Европейского парламента, Совета, Европейского экономического и социального комитета и Комитета регионов: поддержка предотвращения террористической радикализации и насильственного экстремизма: Усиление реагирования ЕС](#). 15 января. COM (2013) 941 final.
- Европейский Союз (2010). [Сообщение Комиссии для Европейского парламента и Совета: Стратегия ЕС по внутренней безопасности в действии: пять шагов к более безопасной Европе](#). 22 ноября. COM (2010)673 final.
- Европейский Союз, Европейский Совет (2005). [Контртеррористическая стратегия Европейского Союза](#). 30 ноября. 14469/4/05 Rev. 4.
- Европейский Союз, Европейский Совет (2000). [“Директива Совета 2000/78/ЕС от 27 ноября 2000 года, устанавливающая общую систему равного обращения в сфере занятости и профессиональной деятельности.”](#) 2 декабря. *Официальный журнал Европейского сообщества*, L 303/16. Директива 2000/78 о равном обращении в сфере занятости и образования направлена на борьбу с дискриминацией, в том числе посредством повышения осведомленности среди заинтересованных сторон, гражданского общества и социальных партнеров.

- Инициатива по гарантиям и трудоустройству молодежи, Рекомендация в отношении длительно безработных и недавно принятая программа профессионального развития. См. Европейский Союз, Европейская Комиссия (2016). [Сообщение Комиссии для Европейского парламента, Совета, Европейского экономического и социального комитета и Комитета регионов: Новая программа профессионального развития для Европы: Работать сообща для укрепления человеческого потенциала, возможностей трудоустройства и конкурентоспособности](#). 10 июня. COM(2016) 381 final.
- [Сеть оповещения по проблеме радикализации \(RAN\)](#), созданный в рамках Стратегии внутренней безопасности Европейского Союза.

Библиография

Книги

- Buzan, Barry, Ole Wæver and Jaap de Wilde (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. («Безопасность: Новая концепция для анализа»)
- Marke, Daphne (2007). *Will Africa Ever Be Able to Replicate Successful Economies?* Standard Times Press. («Будет ли Африка когда-нибудь в состоянии повторить опыт успешных экономик?»)

Разделы в книгах

- Crenshaw, Martha (1988). "The Subjective Reality of the Terrorist: Ideological and Psychological Factors in Terrorism." In Robert O. Slater and Michael Stohl eds. *Current Perspectives on International Terrorism*. London: Palgrave Macmillan. («Субъективная реальность террориста: Идеологические и психологические факторы в терроризме»)
- Prost, Kimberly (2012). "Fair Process and the Security Council: A Case for the Office of the Ombudsperson." In Ana-María Salinas de Frías, Katja Samuel and Nigel White eds. *Counter-Terrorism: International Law and Practice*. Oxford: Oxford University Press. («Справедливый процесс и Совет Безопасности: Кейс для Канцелярии Омбудсмена»)
- Silke, Andrew (2003). "Becoming a Terrorist." In Andrew Silke ed. *Terrorist, Victims and Society: Psychological Perspectives on Terrorism and its Consequences*. Great Britain: John Wiley and Sons Ltd. («Стать террористом»)

Конвенции

- [Межамериканская конвенция о борьбе с терроризмом](#). AG/RES. 1840 (XXXII-O/02). 3 июня 2002 г.

Национальное законодательство

- Российская Федерация, [Федеральный закон № 114 ФЗ о противодействии экстремисткой деятельности](#) (2002 г.).

Статьи и презентации в журналах/онлайн ресурсах

- (2017). "[New York truck attack: Suspect 'inspired by Islamic State'.](#)" *BBC News*, 1 November. («Теракты с использованием грузовика в Нью-Йорке: Подозреваемый «вдохновлялся идеями исламского государства»)
- (2018). "[Las Vegas Shooting: gunman was on losing streak and 'germophobic', police say.](#)" *The Guardian*, 21 January. («По данным полиции, стрелок переживал череду неудач и страдал гермофобией»)
- Almuttaqi, A. Ibrahim (2015). "[The Islamic State and the Rise of Violent Extremism in Southeast Asia.](#)" *ASEAN Studies Program*, July. («Исламское государство и подъем насильственного экстремизма в Юго-восточной Азии»)
- Article 19 (2015). "[Kyrgyzstan: Law on Countering Extremist Activity – Legal Analysis.](#)" (Кыргызстан: Закон «О противодействии экстремисткой деятельности» - правовая оценка)
- Aziz, Sahar F. (2017). "[Losing the 'War of Ideas': A Critique of Countering Violent Extremism Programs.](#)" *Texas A&M University School of Law Legal Studies, Research Paper No. 17-22.* («Проигранная «война идей»: Критика программ борьбы с насильственным экстремизмом»)
- Bajekal, Naina (2014). "[The Rise of the Lone Wolf Terrorist.](#)" *TIME*, 23 October. («Становление боевика-одиночки»)
- Bonner, David (2015). "[United Kingdom: The United Kingdom response to terrorism.](#)" *Terrorism and Political Violence*, vol. 4, issue 4, pp. 171-205. («Соединенное Королевство: Меры реагирования на терроризм в Соединенном Королевстве»)
- Botha, Anneli (2015). "[Radicalisation to Terrorism in Kenya and Uganda: a Political Socialisation Perspective.](#)" *Perspectives on Terrorism*, vol. 9, no. 5, pp. 2-14. («Радикализация, ведущая к терроризму, в Кении и Уганде: Перспектива политической социализации»)
- Chingle, Isaac Peter, Mary Jonathan Mancha and Theophilus Gukas (2015). "[Effect of Conflict on the Socio-Economic Development in Nigeria.](#)" *Approaches in International Journal of Research Development*, vol. 10, no. 1. («Последствия конфликта для социально-экономического развития в Нигерии»)
- Dixon, Jeffrey (2009). "[What causes civil wars? Integrating quantitative research findings.](#)" *International Studies Review*, vol. 11, issue 4, pp. 707-35. («Что вызывает гражданские войны? Объединение результатов количественных исследований»)
- Downey, George (2015). "[Scott Atran on Youth, Violent Extremism and Promoting Peace.](#)" *PLOS BLOGS, ARTIS Research and Risk Modeling.* («Скотт Аран о молодежи, насильственном экстремизме и продвижении мира»)
- Fowler, Jeffrey T. (2016). "[Al-Qaeda, Hezbollah and Hamas all Active in South America.](#)" *In Homeland Security*, 21 October. («Аль-Каида, Хезболла и Хамас активны в Южной Америке»)
- Gries, Thomas, Tim Krieger and Daniel Meirrieks (2011). "[Causal Linkages between Domestic Terrorism and Economic Growth.](#)" *Defence and Peace Economics*, vol. 22, issue 5, pp. 493-508. («Причинно-следственные связи между внутренним терроризмом и экономическим ростом»)
- Heydemann, Steven (2014). "[Countering Violent Extremism as a Field of Practice.](#)" *United States Institute of Peace Insights*, issue 1. («Противодействие насильственному экстремизму как область практики»)

- Ikejiaku, Brian-Vincent (2009). "[The Relationship between Poverty, Conflict and Development.](#)" *Journal of Sustainable Development*, vol. 2, no. 1, pp. 15-28. («Взаимосвязь между бедностью, конфликтами и развитием»)
- Institute for Security Studies (ISS) (2017). "[New Candidate vie for positions on the PSC.](#)" 20 December. («Выдвинуты новые кандидатуры в Совет по миру и безопасности»)
- Khan, Humera (2015). "[Why Countering Extremism Fails: Washington's Top-Down Approach to Prevention Is Flawed.](#)" *Foreign Affairs*, 18 February. («Почему противодействие экстремизму терпит неудачу: Подход Вашингтона «сверху-вниз» к предотвращению оказался ошибочным»)
- Liow, Joseph Chinyong (2018). "[Shifting Sands of Terrorism.](#)" *RSIS Commentary*, No. 025- 15 February. («Зыбучие пески терроризма»)
- Maclean, Ruth (2018). "[Nigeria schoolgirls feared missing after Boko Haram attack.](#)" *The Guardian*, 22 February. («Нигерийские школьницы пропали без вести после атак «Бока Харам»)
- McCants, William and Clint Watts (2012). "[Violent Extremism: An Assessment.](#)" *Foreign Policy Research Institute E-Notes*, December. («Насильственный экстремизм: Оценка»)
- McCauley, Clark and Sophia Moskalenko (2008). "[Mechanism of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism.](#)" *Terrorism and Political Violence*, vol. 20, issue 3, pp. 415-433. («Механизм политической радикализации: пути к терроризму»)
- McPherson, Poppy (2016). "['No Muslims allowed': how nationalism is rising in Aung San Suu Kyi's Myanmar.](#)" *The Guardian*, 23 May. («Мусульманам вход запрещен: Как растет национализм в Мьянме при правительстве Аунг Сан Су Чжи»)
- Nasser-Eddine, Minerva, Katerina Agostino, Gilbert Caluya, and Bridget Garnham (2011). "[Countering Violent Extremism \(CVE\) Literature Review.](#)" *Department of Defense of Australia, Counter Terrorism and Security Technology Centre, Defence Science and Technology Organisation*. March. («Обзор литературы по вопросу борьбы с насильственным экстремизмом»)
- Ramdeen, Marisha (2017). "[Countering Terrorism and Violent Extremism in Africa.](#)" *African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD)*. 21 July. («Противодействие терроризму и насильственному экстремизму в Африке»)
- Romaniuk, Peter (2015). "[Does CVE Work? Lessons Learned from the Global Effort to Counter Violent Extremism.](#)" *Global Center on Cooperative Security*, September. («Работает ли противодействие насильственному экстремизму? Опыт глобальных усилий по противодействию насильственному экстремизму»)
- Rose, George and Diana Nestorovska (2005). "[Towards and ASEAN Counter-Terrorism Treaty.](#)" *Singapore Year Book of International Law*, vol. 9, pp. 157-189. («На встречу Договору о противодействии терроризму АСЕАН»)
- Sandler, Todd and Walter Enders (2004). "[An Economic Perspective on Transnational Terrorism.](#)" *European Journal of Political Economy*, vol. 20, issue 2, pp. 301-316. («Экономическая перспектива транснационального терроризма»)
- Security Council Counter Terrorism Committee (2017). "[The United Nations Counter-Terrorism Committee Executive Directorate \(CTED\) welcomes major private sector initiative to counter terrorism online.](#)" 26 June. («Исполнительный директорат контртеррористического комитета Организации Объединенных Наций приветствует важную инициативу частного сектора в области борьбы с терроризмом в Интернете»)
- Steinmayr, Andreas (2017). "[Did the Refugee Crisis Contribute to the Recent Rise of Far-Right Parties in Europe?](#)" *DICE Report*, vol. 15, pp. 24-27. («Способствовал ли кризис с беженцами росту популярности ультраправых партий в Европе в последнее время?»)

- Tan, See Seng and Hitoshi Nasu (2016). [“ASEAN and the Development of Counter-Terrorism Law and Policy in Southeast Asia.”](#) *UNSW Law Journal*, vol. 39, issue 3, pp. 1219-1238. («АСЕАН и развитие контртеррористического законодательства и политики в Юго-Восточной Азии»)
- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), Global Education First Initiative. [“Can Education Prevent Violent Extremism?”](#) («Может ли образование предупредить насильственный экстремизм?»)
- Wentling, M. (2002). “My 30 Years in Africa: still searching for answers.” *American Foreign Services Association (AFSA)*. («Мои 30 лет в Африке: в поиске ответов»)

Доклады, декларации и стратегии

- Африканский союз. [Совет мира и безопасности](#) (СМБ). (Информация на 8 мая 2018 г.).
- Африканский союз, Совет мира и безопасности.
  - (А) [«Коммюнике 650 заседания Совета по миру и безопасности: Брифинг КСРБА касательно последних международных событий в борьбе с терроризмом и его последствиями в Африке»](#). Последнее обновление 2 февраля 2017 г.
  - (В) [«728 заседание Африканского совета мира и безопасности: открытая сессия на тему: «Роль женщин в предупреждении и противодействии насильственному экстремизму в Африке»](#). Последнее обновление 21 ноября 2017 г.
  - (С) [«Коммюнике 749 заседания Африканского совета мира и безопасности глав государств и правительства на тему: На пути к комплексному подходу к борьбе с транснациональной угрозой терроризма в Африке»](#). Последнее обновление 14 февраля 2018.
- Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (2017). [Совместная декларация министров обороны государств-членов АСЕАН о партнерстве в целях изменений и взаимодействия в мире](#). 23 октября.
- [Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества](#). 9 июня 2017.
- [Доклад бангладешского центра по вопросам мира](#).
  - (2017). [Vol. 1, issue 3, September-October](#).
- Федеральная служба юстиции Бельгии (2015). [План действий по предупреждению радикализации в тюрьмах](#). Март.
- Исполнительный директорат Контртеррористического комитета (ИДКТК), международный контртеррористический центр– Гаага (2015). [«Отчет семинара – национальный семинар по эффективной реализации резолюции Совета Безопасности 1624 \(2005 и 2178 \(2014\)\)»](#). Тунис, 3-4 ноября.
- Контртеррористический проект. [Тунис: Экстремизм и контртерроризм](#).
- Европейское полицейское управление (ЕВРОПОЛ) (2016). [«Изменения способов совершения террористических актов исламского государства»](#). Гаага, 18 января.
  - Европейский Союз, Европейский Совет (2015). [Сообщение Комиссии для Европейского парламента, Совета, Европейского экономического и социального комитета и Комитета регионов: Европейская повестка дня в области безопасности](#). 28 апреля. Страсбург. COM (2015) 185 final.
  - (2016). [Сообщение Комиссии для Европейского парламента, Совета, Европейского экономического и социального комитета и Комитета регионов: поддержка предупреждения террористической радикализации и насильственного экстремизма](#). 14 июня. COM(2016) 379 final.
- Европейский Союз, Европейский Совет (2005). [Контртеррористическая стратегия ЕС](#). 30 ноября.

- Европейский Союз, Европейский Парламент и Совет (2010). [Директива 2010/13/EU Европейского Парламента и Совета 10 марта 2010 г. о координации некоторых законодательных, регламентарных и административных положений, действующих в Государствах-членах ЕС относительно оказания аудиовизуальных медиа-услуг](#). L 95/1.
- Frank, Cheryl and Denys Reva (2016). [“Preventing Violent Extremism: South Africa’s place in the world.”](#) Institute for Security Studies, Policy Brief. 95. («Предупреждение насильственного экстремизма: место Южной Африки в мире»)
- Kundnani, Arun (2015). [A Decade Lost: Rethinking Extremism and Radicalisation](#). London: Claystone. («Потерянное десятилетие: Переосмысление экстремизма и радикализации»)
- Глобальный контртеррористический форум (ГКФ).
  - А) [Инициатива по ликвидации жизненного цикла насильственной радикализации: Гаагско-Марракешский меморандум о передовой практике в целях более эффективного реагирования на феномен ИБТ, уделяя особое внимание возвращающимся ИБТ](#). (информация на 7 мая 2018 г.).
  - В) [Инициатива по ликвидации жизненного цикла насильственной радикализации: Дополнение к Гаагско-Марракешскому меморандуму о передовой практике в целях более эффективного реагирования на феномен ИБТ, уделяя особое внимание возвращающимся ИБТ](#). (информация на 7 мая 2018 г.).
- Правительство Бельгии, Главное управление безопасности и предупреждения (2015). [“Définitions: radicalisation violente.”](#) («Определения: Насильственный радикализм»)
- Межамериканский контртеррористический комитет (СИКТЕ)
  - (2008). [Принята на 5 пленарной сессии 7 марта, 2008 г.](#) 7 марта. OEA/Ser.L/X.2.8.
  - (2011). [Принята на 3 пленарной сессии 17 марта 2011 г.](#) 21 марта. OEA/Ser.L/X.2.11. CICTE/DEC.1/11.
- Конференция ОИС, Стамбульский саммит (2016). [13 сессия Конференции ОИС, Стамбульская декларация о единстве и солидарности в целях справедливости и мира](#). 14-15 апреля. OIC/SYM-13/2016/Declaration.
- Конференция по диалогу и сотрудничеству, Исламская образовательная, научная и культурная организация (2016). [Совместная стратегия ОИС по молодежи](#). DRAFT. ICYF-DC/ICYSM-3/2016/01/Rev.1.
- League of Arab States (LAS) (2015). [«Доклад Лиги арабских государств: Региональная безопасность и вызовы, стоящие перед арабским регионом, Лига арабских государств, февраль 2015 года»](#).
- Nanes, Matthew and Bryony Lau (2018). [“Surveys and Countering Violent Extremism: A Practitioner Guide.”](#) The Asia Foundation and Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade. («Опросы и противодействие насильственному экстремизму: руководство для практиков»)
- Национальное контртеррористическое агентство (2014). [План по предотвращению терроризма, Number: PER.04, K.BNPT. 12/2014](#).
- Neumann, Peter
  - (2011). [“Preventing Violent Radicalization in America.”](#) Bipartisan Policy Center National Security Preparedness Group, Washington, D.C., June. («Предотвращение насильственной радикализации в Америке»)
  - (2017). [“Countering Violent Extremism and Radicalisation that Lead to Terrorism: Ideals, Recommendations, and Good Practices from the OSCE Region.”](#) Organisation for Security and Co-operation in Europe (OSCE), 28 September. («Противодействие насильственному экстремизму и

радикализации, которая ведет к терроризму: Идеалы, рекомендации и передовая практика из региона ОБСЕ»)

- Организация исламского сотрудничества (ОИС)
  - (2006). [Первая конференция на уровне министров, посвященная роли женщин в развитии государств-членов ОИС](#). 20-21 ноября. Стамбул, Турция.
  - (2016). [План действий по улучшению положения женщин](#). Принят на 6-й сессии конференции на уровне министров посвященная роли женщин в развитии государств-членов ОИС. 1-3 ноября. Стамбул, Турция.
- ОИС, Совет министров иностранных дел (2017). Доклад 44 сессии Совета министров иностранных дел (Сессия, посвященная молодежи, миру и развитию в мире солидарности). [10-11 июля. Абиджан, Республика Кот-д'Ивуар](#). OIS/44-CFM/2017/REPORT/FINAL.
- Постоянный совет ОБСЕ (2012). [Решение No.1063: Консолидированная рамочная основа ОБСЕ по борьбе с терроризмом](#). 7 декабря. PC.DEC/1063.
- Совет министров ОБСЕ, Совет министров
  - (2015). [Декларация Совета министров по предупреждению и противодействию насильственному экстремизму и радикализации, ведущей к терроризму](#). 4 декабря. MC.DOC/4/15.
  - (2016). [Декларация Совета министров по укреплению усилий ОБСЕ по предупреждению и противодействию терроризму](#). 9 декабря. MC.DOC/1/16.
- Speckhard, Anne, Ardian Shajkovci, and Chinara Esengul (2017). "[Analysis of the Drivers of Radicalisation and Violent Extremism in Kyrgyzstan, including the Roles of Kyrgyz Women in Supporting, Joining, Intervening in, and Preventing Extremism in Kyrgyzstan](#)." *International Center for the Study of Violent Extremism*. 4 August. («Анализ факторов, способствующих насильственному экстремизму в Кыргызстане, в том числе роль кыргызских женщин в поддержке, присоединению, вмешательстве и предотвращении экстремизма в Кыргызстане»)
- True, Jacqui and Sri Eddyono (2017). "[Preventing Violent Extremism: Gender Perspectives and Women's Role, Final Report](#)." *Monash Centre for Gender, Peace and Security*. («Предупреждение насильственного экстремизма: Гендерная перспектива и роль женщин, заключительный отчет»)
- Программа развития ООН (ПРООН)
  - (2016). [Предупреждение насильственного экстремизма посредством инклюзивного развития, терпимости и уважения разнообразия: Подход, основанный на развитии, в борьбе с насильственным экстремизмом](#). New York: UNDP.
  - (2017). [Путь к экстремизму в Африке: Движущие факторы, стимулы и переломный момент в вербовке](#). New York: UNDP.
- Госдепартамент США и Агентство США по международному развитию (ЮСАИД) (2016). [Совместная стратегия в противодействии насильственному экстремизму](#). May.
- ЮСАИД (2009). [Руководство по драйверам насильственного экстремизма](#). February.
- Представительство Всемирного банка в странах Ближнего Востока и Северной Африки, Экономический монитор МЕНА (2016). [Экономическая и социальная инклюзивность для предотвращения насильственного экстремизма](#). October.

Выступления

- Министерство внутренних дел Соединенного Королевства (2015). “A stronger Britain, built on our values” Speech of the Home Secretary. («Более сильная Британия, основанная на наших ценностях»). Выступление Министра внутренних дел Великобритании).

Материалы ООН

- Комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН (2002). КЛРД Общая рекомендация General Recommendation XXX on Discrimination Against Non Citizens. 1 октября.
- Генеральная Ассамблея ООН
  - (2006). Контртеррористическая стратегия ООН. 20 сентября. A/RES/60/288.
  - (2015(a)). Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года. 21 октября. 2015. A/RES/70/1.
  - (2015(b)). Мир против насилия и насильственного экстремизма, резолюция Генеральной Ассамблеи 70/109. 17 декабря. A/RES/70/109.
  - (2015(c)). План действий по предупреждению воинствующего экстремизма: Доклад Генерального секретаря. 24 декабря. A/70/674.
  - (2015(d)). План действий по предупреждению воинствующего экстремизма, Глобальная контртеррористическая стратегия ООН. 24 декабря. A/70/2015.
  - (2017). Специальные меры по защите от сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств: новый подход: Доклад Генерального секретаря. 28 февраля. A/71/818.
- Генеральная Ассамблея ООН, Совет по правам человека
  - (2016(a)). Доклад о лучших практиках и извлеченных уроках по вопросу о том, каким образом защита и поощрение прав человека содействуют предупреждению насильственного экстремизма и борьбе с ним: Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. 21 июля. A/HRC/33/29.
  - (2016(b)). Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. 29 апреля. A/HRC/31/65.
- Контртеррористическое управление ООН, Целевая группа ООН по осуществлению контртеррористических мероприятий (2016). «FAQ – Женевская конференция по борьбе с насильственным экстремизмом: Женевская конференция по борьбе с насильственным экстремизмом – Дальнейшая работа». Женева, 7 и 8 апреля.
- Контртеррористическое управление ООН (2017). Рост понимания феномена иностранных боевиков-террористов в Сирии. Июль.
- Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) (2016). Справочник по работе с заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации в тюрьмах. Criminal Justice Handbook Series, Vienna.
- ООН, Совет Безопасности (2004). Верховенство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах: Доклад Генерального секретаря. 23 августа. S/2004/616.
- ООН, Швейцарская Конфедерация (2016). «Женевская конференция по противодействию насильственному экстремизму – Дальнейшая работа: Концептуальная записка». 7- 8 апреля, Женева, Швейцария.

UNODC

United Nations Office on Drugs and Crime

Vienna International Centre, P.O. Box 500, 1400 Vienna, Austria
Tel.: (+43-1) 26060-0, Fax: (+43-1) 26060-3389, www.unodc.org

